

Жорж Сименон

Мегрэ и бродяга

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

По дороге с Набережной Орфевр к мосту Мари Мегрэ вдруг остановился, потом сразу же двинулся вперед, так что Лапуэнт, шедший рядом, не успел даже ничего заметить. На какое-то мгновение комиссар почувствовал себя таким же юным, как и его спутник.

Должно быть, в этом был повинен воздух - удивительно прозрачный, какой-то пряный и благоухающий. Вот в такое же солнечное утро, что и нынче, Мегрэ, тогда еще молодой инспектор, только что назначенный в отдел охраны уличного порядка Сыскной полиции - парижане продолжали называть ее по-старому, Сюртэ, - долге бродил по парижским улицам.

Хотя настало уже двадцать пятое марта, это был первый настоящий весенний день, безоблачный и ясный. Недаром ночью на город обрушился грозовой ливень, сопровождаемый далекими перекатами грома. Первый раз в этом году Мегрэ оставил пальто у себя в кабинете, и теперь легкий ветерок трепал полы его расстегнутого пиджака.

Мегрэ шел, заложив руки за спину, поглядывая направо и налево, подмечая все, на что он давным-давно уже перестал было обращать внимание.

Для такой короткой прогулки не стоило брать одну из черных машин, стоявших во дворе Сыскной полиции, и мужчины двинулись пешком по набережной. На паперти Собора Парижской богородицы они невольно спугнули стаю голубей. Неподалеку, прямо на площади, стоял туристический автобус - большой желтый автобус, прибывший из Кельна.

Перейдя железный мостик, они очутились на острове Сен-Луи, и в одном из окон Мегрэ заметил молоденькую горничную в черном платье и белой кружевной наколке, похожую на героиню пьес, идущих на Бульварах. Немного дальше помощник мясника, в белом фартуке, отпускал мясо. Из соседнего дома вышел почтальон.

Утром распустились почки, окропив деревья своей нежной зеленью.

- Вода в Сене стоит еще высоко, - заметил Лапуэнт, до сих пор не раскрывавший рта.

Да, паводок был высокий. Целый месяц, почти не переставая, лили бесконечные дожди, и чуть ли не каждый вечер по телевизору показывали затопленные города и селения, где на улицах бесновалась вода. Желтоватые волны Сены несли мимо разные обломки, старые ящики, ветви деревьев.

Мегрэ и Лапуэнт добрались по набережной Бурбонов до моста Мари и теперь неторопливо переходили мост, пристально рассматривая сероватую баржу, стоявшую на приколе ниже по

течению. Судя по красно-белому треугольнику, намалеванному на носовой части, она принадлежала компании водных перевозок. Баржа называлась "Пуату". Пыхтение и скрежет парового подъемного крана, разгружавшего ее трюмы, набитые песком, примешивались к смутному городскому гулу.

Выше моста, в метрах пятидесяти от "Пуату", стояла на причале другая баржа. Чистенькая и опрятная, она, казалось, уже с раннего утра была надраена до блеска. За кормой лениво плескался бельгийский флаг, а возле белой рубки, в парусиновой люльке, напоминавшей гамак, спал ребенок. Высоченный светловолосый мужчина смотрел в сторону набережной, словно ожидая кого-то.

На барже золотыми буквами было написано: "Зваарте Зваан" <"Зваарте Зваан" (фламанд.) - "Черный Лебедь">. Ни Мегрэ, ни Лапуэнт не понимали, что означало это фламандское название.

Было около десяти часов. Полицейские вышли к набережной Селестэн и собирались было спуститься к причалу, как в эту минуту подкатила служебная машина. Из нее вышли трое мужчин. Хлопнула дверца.

- Смотрите, какое единодушие! Все собрались вовремя... Эта троица прибыла тоже из Дворца Правосудия, но из другой части здания - именно из той самой, где заседали лица поважнее - чиновники судебного ведомства. Это были помощник прокурора Паррен, судья Данцигер и старик, секретарь суда, фамилию которого Мегрэ никак не мог запомнить, хотя и встречался с ним сотни раз.

Прохожие, торопившиеся по своим делам, дети, игравшие на тротуаре, - все они и не подозревали, что присутствуют при выезде прокуратуры на место преступления. Да и действительно, в такое весеннее утро это событие отнюдь не выглядело торжественно. Помощник прокурора вынул из кармана золотой портсигар и машинально протянул его Мегрэ, хотя у того была во рту трубка.

- Ах, извините, не заметил... Это был высокий, худощавый, изысканно одетый блондин, и комиссар в который раз подумал, что щегольство, видно, присуще сотрудникам прокуратуры. Зато судья Данцигер, этакий маленький толстячок, одет был совсем просто.

- Что ж, пошли, господа?

Все спустились по выбитой мостовой и оказались у самой воды неподалеку от баржи.

- Вот эта?

Мегрэ знал не больше своих спутников. Утром он прочел в суточном отчете краткое изложение всех ночных происшествий, а полчаса назад раздался телефонный звонок: его просили присутствовать при выезде прокуратуры.

Он не возражал. Приятно было снова очутиться в привычной обстановке и в хорошо знакомой среде. Впятером они направились к самоходной барже, с которой на берег была переброшена доска.

Рослый, светловолосый речник сделал несколько шагов им навстречу.

- Давайте руку, - сказал он помощнику прокурора, который шел первым. - Так оно будет безопаснее. Верно?

Говорил он с заметным фламандским акцентом. Резкие черты лица, голубые глаза, сильные руки, манера двигаться - все напоминало гонщиков-велосипедистов после пробега, когда они дают интервью для печати.

Здесь, у самой реки, подъемный кран, выгружавший песок, грохотал еще сильнее.

- Вас зовут Жозеф ван Гут? - спросил Мегрэ, мельком взглянув на листок бумаги.

- Да, мосье. Жеф ван Гут.

- Вы владелец этого судна?

- Ну конечно, мосье, я его хозяин. А то кто же! Из рубки тянуло чем-то вкусным. Внизу, у самого трапа, высланного цветастым линолеумом, хлопотала по хозяйству молоденькая женщина. Мегрэ кивнул на ребенка в люльке.

- Ваш сын?

- Ха, не сын, мосье, дочка. А звать ее Йоланда. Мою сестру тоже зовут Йоланда, и она крестная малышки... Но тут счел нужным вмешаться помощник прокурора, предварительно дав знак секретарю приготовиться к записи.

- Расскажите нам, как все это произошло.

- Ну что ж. Я его выловил, а вон тот, с соседней баржи, мне помог... Жеф показал пальцем на "Пуату", где на корме, прислонясь к рулю, стоял какой-то человек и смотрел в их сторону, словно поджидая своей очереди.

Несколько раз пропела сирена, и мимо них, вверх по течению, медленно прошел буксир, ведя за собой четыре баржи. И когда каждая проходила мимо "Зваарте Зваан", Жеф ван Гут в знак приветствия поднимал правую руку.

- Вы знали утопающего?

- В жизни не видал.

- Давно вы стоите на причале у этой набережной?

- Со вчерашнего вечера. Я иду из Жемона в Руан с грузом шифера... Хотел было дотемна пройти Париж и заночевать у Сюренского шлюза... Да вот, слышу, двигатель пошаливает. Мы ведь, речники, не очень-то любим ночевать в Париже. Понимаете?..

Вдали, прямо под мостом, Мегрэ заметил двух-трех бродяг и среди них очень толстую женщину. Ему показалось, что он уже где-то видел ее.

- Как это произошло? Он бросился в воду?

- Вот уж не думаю, мосье! Если б он сам бросился в воду, то что же делали здесь тогда те двое?

- В котором часу это было? Где вы находились в это время? Расскажите нам подробно обо всем, что случилось в течение вечера. Вы стали на якорь у набережной незадолго до наступления темноты?

- Точно.

- Вы заметили под мостом бродягу?

- Да разве их замечаешь? Они почти всегда там торчат.

- Что вы делали потом?

- Поужинали - Хуберт, Аннеке и я.

- Кто такой Хуберт?

- Мой брат. Он работает со мной. Аннеке - моя жена, ее имя Анна, а по-нашему - Аннеке.

- А потом?

- Мой брат принарядился и пошел на танцы. Годы такие, верно?

- Сколько ему?

- Двадцать два.

- Сейчас он здесь?

- Пошел за продуктами, скоро вернется.

- Что вы делали после ужина?

- Занялся двигателем и сразу же заметил утечку масла. А поскольку я хотел отчалить сегодня утром, вот и пришлось взяться за починку.

Фламандец подозрительно оглядывал их, одного за другим, как человек, не привыкший иметь дело с правосудием.

- В котором часу вы окончили вашу работу?

- Вчера я не успел и доделал утром.

- Где вы находились, когда услышали крики? Жеф почесал голову, глядя на просторную, надраенную до глянца палубу.

- Сперва я поднялся сюда, чтобы выкурить папиросу и посмотреть, спит ли Аннеке.

- В котором часу?

- Около десяти, точно не помню.

- Она спала?

- Да, мосье. И малышка тоже. Дочурка иногда плачет ночью: у нее режутся первые зубки... - Потом вы снова спустились к двигателю?

- Совершенно верно.

- В рубке было темно?

- Да, мосье, ведь жена спала.

- На палубе тоже было темно?

- Конечно.

- Ну, а потом?

- Прошло порядочно времени, потом я услышал звук мотора - будто неподалеку затормозила машина... - И вы не вышли взглянуть?

- Нет, мосье. Да и зачем?

- Ну, а дальше... - Немного погодя слышу - бух!

- Как если бы кто-нибудь упал в воду?

- Да, мосье.

- И тогда?

- Я поднялся по трапу и высунулся из люка.

- И что же вы увидели?

- Двух человек, которые бежали к машине... - Так там стояла машина?

- Да, мосье, красная машина, марки "Пежо-403".

- Неужели было так светло, что вы могли ее рассмотреть?

- Там, как раз над стеной, на набережной, стоит фонарь.

- Как выглядели эти двое?

- Тот, что пониже ростом, - широкоплечий, в светлом дождевике.

- А другой?

- Мне не удалось хорошенько его разглядеть, потому что он первым сел в машину и сразу же включил мотор.

- Вы не запомнили номерной знак?

- Какой знак?

- Номер, обозначенный на табличке?

- Помню только, что там было две девятки и кончался он на семьдесят пять... - Когда вы слышали крики?

- Как только машина тронулась с места.

- Иначе говоря, прошло некоторое время, прежде чем человек, которого бросили в воду, стал кричать? В противном случае вы, наверно, услышали бы его крики раньше?

- Думаю, что так, мосье. Ведь ночью тише, чем днем.

- А который был час?

- За полночь.

- Вы не заметили кого-нибудь на мосту?

- Я не смотрел вверх.

На набережной, как раз над стеной, начали останавливаться прохожие, с интересом наблюдая за этими людьми, что-то обсуждавшими с хозяином баржи. Мегрэ показалось, что бродяги тоже подошли ближе. Кран по-прежнему черпал песок из трюма "Пуату" и сыпал его в грузовики, подъезжавшие один за другим.

- Он громко кричал?

- Да, мосье.

- А как он кричал? Звал на помощь, что ли?..

- Просто кричал... Потом крики стихли... - Что же вы сделали?

- Спрыгнул в ялик и отвязал его... - Вам удалось сразу же разглядеть тонущего?

- Нет, мосье, не сразу. Хозяин "Пуату", должно быть, тоже услышал крики: он бежал по палубе и пытался зацепить что-то багром... - Продолжайте.

Фламандец, как было видно, старался изо всех сил, рассказывая о происшедшем, но давалось это ему не легко - недаром на лбу у него проступили бусинки пота.

- Вы все время видели тонущего?

- То видел, то не видел.

- Потому что тело скрывалось под водой?

- Да, мосье, и его уносило течением.

- Так же, как и ваш ялик?

- Да, мосье... Сосед спрыгнул в него... - Владелец "Пуату"?

Жеф вздохнул, очевидно подумав, что собеседники его не слишком понятливы. Для него-то все было очень просто, и, вероятно, он не в первый раз переживал подобные происшествия.

- И вы вдвоем вытащили его из воды?

- Да.

- В каком он был состоянии?

- Глаза у него были открыты... В ялике его начало рвать... - Он ничего не говорил?

- Нет, мосье.

- Он казался испуганным?

- Нет, мосье.

- А как он выглядел?

- Да никак. Он лежал неподвижно, а вода все лилась и лилась изо рта... - Глаза у него все время были открыты?

- Да, мосье, я уже думал, что он умер.

- Вы звали на помощь?

- Нет, мосье. Звал не я... - Ваш приятель с "Пуату"?

- Нет. Нас окликнули с моста.

- Значит, кто-то был на мосту Мари?

- В ту минуту - да. Он спросил нас, не утонул ли кто. Я подтвердил. Тогда он крикнул, что сейчас сообщит полиции.

- И он это сделал?

- Да. Немного погодя на велосипедах приехали два ажана.

- Дождь уже шел?

- Гроза началась как раз в то время, когда мы втаскивали этого человека на палубу.

- Вашего судна?

- Да.

- Ваша жена проснулась?

- В рубке горел свет. Аннеке набросила на себя пальто и смотрела на нас.

- Когда вы обнаружили кровь?

- Когда его положили возле руля; она текла из трещины в голове.

- Из трещины?

- Ну, из дырки... Я не знаю, как вы это называете... - Полицейские приехали сразу?

- Почти сразу.

- А прохожий, который их вызвал?

- Больше я его не видал.

- Вам не известно, кто он?

- Нет, мосье.

В это солнечное утро нелегко было представить себе ночную сцену, о которой Жеф ван Гут рассказывал так подробно, тщательно подбирая слова, словно переводя их с фламандского.

- Вам, конечно, известно, что бродягу ударили по голове, а потом уже бросили в воду?

- Так сказал доктор. Ведь один из полицейских сам сбегал за доктором. Потом приехала "скорая помощь". Когда раненого увезли, мне пришлось вымыть палубу - там натекла здоровенная лужа крови... - Что же, по-вашему, произошло?

- Не знаю, мосье.

- Вы сказали полицейским... - Сказал то, что думал. Разве я поступил не так?

- Что же вы им сказали?

- Этот мальш, наверно, спал под мостом., - Но вы прежде его не видели?

- Что-то не помню... Под мостами всегда спят люди... - Прекрасно. Продолжайте. Значит, подъехала машина... - Да, да, красная машина. Вот в этом-то я уверен!

- Она остановилась недалеко от вашей баржи?

Жеф кивнул и указал рукой на берег.

- Мотор у нее работал?

На сей раз речник отрицательно мотнул головой.

- Итак, вы услышали шаги?

- Да, мосье.

- Шаги двух человек?

- Я увидел двоих мужчин, они возвращались к машине... - А когда они подъезжали к мосту, вы их не видели?

- В то время я возился внизу с мотором.

- Значит, эти двое, из которых один был в светлом дождевике, очевидно, оглушили спящего бродягу и бросили в Сену. Так?

- Когда я поднялся на палубу, он был уже в воде... - В медицинском заключении говорится, что потерпевший не мог так поранить голову при падении в воду... даже если бы случайно стукнулся головой о камни... Ван Гут смотрел на них с таким видом, будто хотел сказать, что уж это его никак не касается.

- Вы не возражаете, что мы допросим вашу жену?

- Я не против, чтоб вы потолковали с Аннеке, но она все равно вас не поймет, потому что говорит только по-фламандски... Помощник прокурора взглянул на Мегрэ, как бы спрашивая, нет ли у него вопросов. Комиссар отрицательно покачал головой. Если у него и возникли кое-какие вопросы, то он задаст их позже, когда господа из прокуратуры покинут баржу.

- Мы скоро сможем двинуться дальше? - спросил речник.

- Как только подпишете свои показания и сообщите нам, куда вы направляетесь.

- В Руан.

- Вам придется и в дальнейшем держать нас в курсе вашего местонахождения. Мой секретарь принесет вам бумаги для подписи.

- А когда?..

- Наверно, после полудня.

Подобный ответ явно не удовлетворил Жефа ван Гута.

- Кстати, в котором часу ваш брат возвратился на судно?

- Почти сразу после отъезда "скорой помощи".

- Благодарю вас.

Жеф ван Гут снова помог господину Паррену и его спутникам перейти по узкой доске, и маленькая группа направилась к мосту. Бродяги, стоявшие у баржи, ото-, шли на несколько шагов.

- Что вы думаете об этом деле, Мегрэ?

- Думаю, что все это выглядит очень странно. Не часто бездомный бродяга подвергается нападению... Под сводами моста Мари, как раз у каменной стены, прилепилось некое сооружение, которое можно было бы назвать собачьей конурой. Беспорядочное и полуразвалившееся, оно тем не менее на какое-то время служило жильем человеческому существу.

Заметив, что господин Паррен застыл от изумления, Мегрэ усмехнулся и, не выдержав, сказал:

- Такие же конуры существуют под всеми парижскими мостами. Одну из них можете увидеть напротив здания Сысской полиции.

- И полиция ничего не предпринимает?

- Если полиция их уничтожит, они вырастут снова, только подальше... Это причудливое логово соорудилось, как правило, из старых ящиков и кусков брезента. Размеры его были рассчитаны на то, чтобы там, скорчившись, мог разместиться лишь один-единственный человек. От соломы, рваных одеял, старых газет, разбросанных по земле, шел такой тяжелый дух, что никакие сквозняки не могли выветрить его.

Господин Паррен поостерегся дотрагиваться до вещей пострадавшего, и Мегрэ пришлось самому бегло осмотреть весь этот хлам.

Жестяной цилиндр с дырками и решеткой заменял плиту. В нем еще лежала сероватая зола. Тут же валялись куски бог знает где подобранного древесного угля. Разворошив подстилку, комиссар обнаружил своеобразный клад: две черствые горбушки хлеба, огрызок чесночной колбасы, а рядом, в углу, - книги, заглавия которых он вполголоса прочел:

- "Мудрость" Верлена, "Надгробные речи" Боссюэ... Мегрэ поднял с земли какой-то журнал, который, должно быть, долго валялся под дождем и был извлечен из мусорного ящика. Оказалось, что это старый номер "Медицинского вестника".

И, наконец, половина книги - вторая часть "Записок с острова Святой Елены".

Судья Данцигер казался не меньше озадаченным, чем представитель прокуратуры.

- Странный подбор книг, - заметил судья.

- Он мог ведь быть и случайным, - высказал свое мнение Мегрэ.

Там же, под дырявым одеялом, комиссар нашел кой-какую одежду: серый, весь в заплатах свитер с пятнами краски, вероятно принадлежавший какому-нибудь художнику; брюки из желтоватого тика; войлочные домашние туфли с протертыми подошвами; пять непарных носков. И, наконец, ножницы с отломанным острием.

- Этот человек умер? - спросил помощник прокурора, по-прежнему держась на почтительном расстоянии, словно боялся набраться блох.

- Час назад, когда я звонил в больницу, он был еще жив.

- Что же, его надеются спасти?

- Пытаются... У бедняги проломлен череп, и, кроме того, врачи опасаются, как бы он не заболел воспалением легких.

Мегрэ машинально катал взад и вперед сломанную детскую коляску - наверно, бродяга брал ее с собой, когда ходил рыться в мусорных ящиках. Обернувшись к группке оборванцев, внимательно следивших за ним, комиссар оглядел их одного за другим. Кое-кто из них сразу же отвернулся. На лицах остальных было написано тупое равнодушие.

- Эй, подойди-ка сюда!.. - подозвал он женщину, поманив ее пальцем.

Если бы все это происходило лет тридцать назад, когда Мегрэ служил еще в отделе охраны уличного порядка, он мог бы назвать по имени каждого из этих людей, ибо в то время лично знал большинство парижских бродяг.

Впрочем, с тех пор они почти не изменились. Разве только число их заметно поубавилось.

- Где ты ночуешь?

Женщина улыбнулась, будто желая задобрить его.

- Вон там, - ответила она, указав на мост Луи-Филиппа.

- Ты знаешь человека, которого ночью вытащили из воды?

Лицо у нее было отекавшее, изо рта несло винным перегаром. Сложив руки на животе, женщина кивнула.

- Наши звали его Тубибом <Тубиб - от арабского "тебид" - ученый: в разговорном французском языке - врач.>.

- Почему?

- А он из ученых. Говорят, и вправду был раньше врачом.

- Давно он живет под мостами?

- Уже несколько лет.

- Сколько?

- Не знаю... Я давно потеряла счет годам... Сказав это, она рассмеялась и отбросила с лица седую прядь. Когда она молчала, ей можно было дать лет шестьдесят, но стоило ей заговорить, как сразу же обнажалась почти беззубая челюсть, и толстуха казалась много старше. Однако в глазах ее по-прежнему таилась усмешка, и время от времени она оборачивалась к остальным бродягам, как бы призывая их в свидетели.

- Разве не так? - спрашивала она у них. Они смущенно кивали в ответ, чувствуя себя неловко в присутствии комиссара и всех этих хорошо одетых господ.

- Он всегда ночевал под этим мостом?

- Не всегда... Я встречала его и под Новым мостом, а еще раньше - на набережной Берси... - А на Центральном рынке? - Мегрэ прекрасно знал, что многие бедняки проводят ночи именно там.

- Нет, - ответила женщина.

- Случалось тебе встречать его у мусорных ящиков?

- Очень редко. Чаще всего он нанимался в ходячие рекламы.

- А что тебе еще известно о нем?

- Больше ничего... - Он когда-нибудь разговаривал с тобой?

- А как же! Ведь это я иногда подстригала ему волосы. Нужно помогать друг другу!

- Он много пил?

Мегрэ понимал бессмысленность этого вопроса: пили почти все бродяги.

- Не больше других.

- Много?

- Пьяным я его никогда не видала. А вот уж про меня этого не скажешь! - И она засмеялась. - Представьте себе, я вас знаю и помню, что вы не злой. Как-то раз вы меня допрашивали у себя в кабинете... Давно это было, может, лет двадцать назад, когда я еще работала у ворот Сен-Дени... - Ты ничего не слыхала прошлой ночью? Она показала рукой на мост Луи-Филиппа, чтобы подчеркнуть расстояние, которое отделяло его от моста Мари.

- Слишком далеко... - И ты ничего не видела?

- Видела только фары машины... Я подошла поближе - правда, не очень - боялась, как бы меня в нее не упрятали, - и разглядела, что это была "скорая помощь"... - Ну, а вы что-нибудь видели? - обратился Мегрэ к трем другим бродягам.

Они испуганно замотали головами.

- А не пройти ли нам к хозяину "Пуату"? - предложил помощник прокурора, очевидно желая поскорее покончить с этим делом.

Речник с "Пуату", совсем не похожий на фламандца, уже поджидал их. Вместе с ним на борту "Пуату" тоже жили жена и дети, хотя баржа принадлежала не ему. Она почти всегда ходила лишь от песчаных карьеров Верхней Сены до Парижа. Речника звали Жюстен Гуле. Этому самому Жюстену Гуле - низкорослому, с плутоватыми глазками и прилипшей к губе потухшей сигаретой - можно было дать лет сорок пять.

Из-за грохота крана, продолжавшего разгружать песок, приходилось говорить очень громко.

- Вот ведь занятно! - хмыкнул Гуле.

- Что занятно?

- Да то, что нашлись люди, которые не поленились трахнуть бродягу и швырнуть его в воду.

- Вы их видели?

- Я ровно ничего не видел.

- Где вы находились?

- Когда кокнули этого малого? У себя в постели.

- Что же вы слышали?

- Слышал, как кто-то завопил.

- А шума машины не слышали?

- Может, и слышал. Наверху, по набережной, вечно мчатся машины, так что на это я не обратил внимания.

- Вы поднялись на палубу?

- Ну да... Как был - в пижаме, даже штаны не успел натянуть.

- А ваша жена?

- Она спросонья спросила: "Куда ты?"

- Что вы увидели с палубы?

- А ничего... Как всегда, в Сене крутились воронки. Я крикнул: "Э-эй!", чтобы малый ответил, и я бы знал, с какой стороны он барахтается.

- А где в это время находился Жеф ван Гут?

- Фламандец-то? Я вскоре разглядел его на палубе баржи... Он как раз отвязывал свой ялик... Когда течение пронесло его мимо меня, я прыгнул в лодку... Мы увидели того самого малого - он то всплывал, то исчезал... Фламандец попытался зацепить его багром... - С большим железным крюком на конце?

- Как и все багры.

- А не могли вы разбить ему голову, когда пытались зацепить багром?

- Ну нет!.. В конце концов, мы все-таки зацепили его за штанину. Я сразу нагнулся и схватил его за ногу.

- Он был без сознания?

- Глаза у него были открыты.

- Он ничего не сказал?

- Его рвало водой... Потом на барже у фламандца мы заметили, что бедняга весь в крови.

- Полагаю, что на этом можно и закончить, - вполголоса буркнул господин Паррен. Вся эта история мало интересовала его.

- Хорошо. Я займусь остальным, - сказал Мегрэ.

- Вы пойдете в больницу?

- Да, собираюсь. Врачи говорят, что пройдет несколько часов, прежде чем он сможет говорить.

- Держите меня в курсе.

- Непременно.

Когда они снова проходили под мостом Мари, Мегрэ сказал Лапуэнту:

- Позвони в районный комиссариат, пусть пришлют человека.

- А где я вас найду, шеф?

- Здесь.

И Мегрэ сухо попрощался с представителями прокуратуры.

Глава 2

- Они из суда? - спросила толстуха, глядя вслед трем уходящим мужчинам.

- Из прокуратуры, - поправил Мегрэ.

- А разве это не одно и то же? - И, тихонько присвистнув, она продолжала:

- Подумать только! Носятся с ним как с писаной торбой! Значит, он и вправду тубиб?

Этого Мегрэ еще не знал. И, казалось, вовсе не спешил узнать. Он все никак не мог избавиться от странного ощущения, будто все это он давным-давно пережил. Лапуэнт поднялся на

набережную и исчез из виду. Помощник прокурора в сопровождении коротышки-судьи и секретаря осторожно взбирался по откосу, внимательно глядя себе под ноги: не дай бог, еще испачкаешь ботинки!

Черно-белый "Зваарте Зваан", позолоченный солнцем, казался таким же чистеньким снаружи, каким, наверно, был и внутри. Высоченный фламандец стоял у рулевого колеса и посматривал в сторону Мегрэ, а жена его, такая маленькая, больше похожая на девочку, со светлыми, почти белыми волосами, склонилась над люлькой младенца и меняла под ним пеленку.

Несмотря на неумолчный шум машин, мчащихся по набережной Селестэн, несмотря на скрежет крана, разгружавшего песок с "Пуату", было хорошо слышно, как щебечут птицы, как плещутся волны Сены.

Трое бродяг все еще держались поодаль, и только толстуха пошла за комиссаром под мост. Ее полинявшая, некогда красная кофта напоминала теперь обсосанный розовый леденец.

- Как тебя звать?

- Леа. Обычно меня зовут "толстуха Леа". Это показалось ей очень смешным, и она опять расхохоталась.

- Где ты ночевала прошлую ночь?

- Я вам уже говорила.

- С тобой кто-нибудь был?

- Только Дедэ, вон тот низенький, он сейчас повернулся к вам спиной.

- Дедэ твой друг?

- Все они мои друзья.

- Ты всегда ночуешь под этим мостом?

- Иногда я меняю квартиру. А что вы здесь ищете? Мегрэ и вправду что-то искал. Он снова нагнул над кучей хлама, составлявшего имущество Тубиба. Теперь, когда помощник прокурора и его спутники ушли, он чувствовал себя свободнее. Мегрэ не торопился. Он вытащил из-под тряпья таганок, сковороду, ложку и вилку. Потом примерил очки в металлической оправе, с треснувшим стеклом. Все затуманилось у него перед глазами.

- Тубиб надевал их только для чтения, - пояснила толстуха Леа.

- Непонятно, - начал Мегрэ, глядя на нее в упор, - почему я не нахожу... Женщина не дала ему кончить. Она отошла на несколько шагов от конуры и вытащила из-за большого камня бутылку, в которой еще оставалось пол-литра фиолетового вина.

- Ты пила его?

- Да, я хотела прикончить. Пока Тубиб вернется, оно все равно прокиснет.

- Когда ты брала бутылку?

- Ночью, после того как его увезла "скорая помощь".

- Больше ни к чему не прикасалась?

Леа с серьезным видом сплюнула на землю.

- Клянусь!

Мегрэ поверил. Он по опыту знал, что бродяги никогда не крадут друг у друга. Да и вообще редко крадут не только потому, что их могут сразу же схватить, но в силу какого-то безразличия ко всему на свете.

Напротив, на острове Сен-Луи, были настежь распахнуты окна уютных квартир, и в одном из них видна была женщина, расчесывавшая волосы перед зеркалом.

- Ты знаешь, у кого он покупал вино?

- Я несколько раз видела, как он выходил из бистро на улице Аве-Мария... Это недалеко отсюда, на углу улицы Жардэн... - А как относился Тубиб к другим? Желая угодить комиссару и ответить поточнее, толстуха задумалась.

- Право, не знаю... Он мало отличался от них... - Он не рассказывал о своей жизни?

- У нас об этом никто не говорит. Разве что когда изрядно налагаются... - А ему случалось напиваться?

- По-настоящему - ни разу.

Из-под кипы старых газет - они, видимо, служили бродяге своего рода одеялом - Мегрэ извлек вдруг раскрашенную деревянную лошадку со сломанной ногой. Но это его нисколько не удивило. Как, впрочем, и толстуху.

Какой-то человек, обутый в эспадрильи <Эспадрильи - холщовые туфли на веревочной подошве.>, легко и бесшумно спустился по откосу и подошел к барже фламандца. В каждой руке он держал по сетке с провизией, откуда торчали два больших батона и перья зеленого лука.

Судя по всему, это был брат фламандца, очень похожий на Жефа ван Гута, только помоложе и посимпатичнее. На нем были синие полотняные брюки и свитер в белую полоску. Поднявшись на палубу, он перекинулся парой слов с братом, потом посмотрел в сторону комиссара.

- Не трогай здесь ничего! А сама ты можешь мне еще понадобится. Если узнаешь что-нибудь... приходи, - сказал комиссар толстухе Леа.

- Неужто такая, как я, пойдет в ваше заведение? - опять рассмеялась она. - Можно прикончить ее? - спросила она, показав на бутылку.

Мегрэ кивнул в ответ и пошел навстречу Лапуэнту, возвращавшемуся в сопровождении полицейского. Комиссар приказал ему до прихода эксперта охранять груды старья, составлявшего имущество Тубиба. Потом в сопровождении Лапуэнта направился к "Зваарте Зваан".

- Вас зовут Хуберт ван Гут?

Куда молчаливее, а может, и подозрительнее, чем брат, юноша ограничился кивком головы.

- Вчера вечером вы ходили на танцы?

- А что в этом плохого?

Акцент у него был меньше заметен. Разговаривая с ним, Мегрэ и Лапуэнту, стоявшим на набережной, приходилось высоко закидывать голову.

- Где же это вы были?

- Возле площади Бастилии. Там есть такая узенькая улочка и на ней с полдюжины кабаков. Я был у "Леона".

- Вы туда и раньше захаживали?

- Не раз... - Значит, вам ничего не известно о том, что случилось ночью?

- Лишь то, что мне рассказал брат.

Из медной трубы на палубу валил дым. Женщина с ребенком уже спустилась вниз, в каюту, откуда до комиссара и инспектора доносился аппетитный запах еды.

- Когда мы сможем отчалить? - спросил молодой человек.

- Наверное, после полудня, как только судья пришлет вашему брату на подпись протокол допроса.

У Хуберта ван Гута, аккуратного, тщательно причесанного, была, как и у брата, розоватая кожа и очень светлые волосы.

Немного погодя Мегрэ и Лапуэнт пересекли набережную Селестэн и на углу улицы Аве-Мария увидели бистро "Маленький Турин". На пороге стоял хозяин в жилете. Внутри никого не было.

- Можно войти?

Хозяин посторонился, удивившись, что его быстро привлекло таких посетителей. Оно было крохотное: стойка да три столика - вот и все. Стены были ярко-зеленые. С потолка свисали окорока, болонские колбасы, странные желтоватые сыры, с виду похожие на раздутые бурдюки с вином.

- Что пожелаете?

- Вина.

- Кьянти?

На полках стояли оплетенные бутылки, но хозяин не прикоснулся к ним, а достал из-под прилавка бутылку и наполнил стаканы, не сводя любопытных глаз с гостей.

- Вы знаете бродягу, по прозвищу Тубиб?

- Как он там? Надеюсь, жив?

Здесь звучал уже не фламандский, а итальянский акцент и вместо флегматичного Жефа ван Гута и его брата - экспансивный хозяин бистро.

- Вы в курсе дела? - спросил Мегрэ.

- Слыхал, что с ним ночью что-то случилось.

- Кто вам сказал об этом?

- Какой-то бродяга утром.

- Что же он вам сказал?

- Что возле моста Мари была потасовка и за Тубибом приехала "скорая помощь".

- И все?

- Кажется, речники вытащили его из воды.

- Тубиб у вас покупал вино?

- Частенько.

- Он много пил?

- Около двух литров в день... Конечно, когда у него водились деньжонки... - А как он их зарабатывал?

- Как все они - подсоблял на Центральном рынке или в другом месте... Иногда разгуливал по улицам с рекламными щитами. Тубибу я охотно давал в долг.

- Почему?

- Потому что он был не простой бродяга, как другие... Он спас мою жену.

Хозяйка бистро, почти такая же толстая, как Леа, но очень подвижная, суетилась рядом на кухне.

- Ты это про меня?

- Я тут рассказываю, как Тубиб... Она вошла в зал, вытирая руки о передник.

- Так это правда, что его хотели убить? Вы из полиции? Как вы думаете, он выкарабкается?

- Пока еще неизвестно, - уклончиво ответил комиссар. - А от чего он вас спас?

- Ах, если б вы меня видели два года назад, вы б меня не узнали. Я была вся в экземе. Лицо красное, как кусок говядины на прилавке мясника... И не видно было конца этой болезни. В диспансере меня лечили самыми разными средствами, прописывали всякие мази, от которых так омерзительно пахло, что я сама себе опротивела... Ничего не помогало... Мне даже запрещали есть, но у меня и аппетита-то не было... Делали мне еще уколы... Слушая ее, муж согласно кивал головой.

- Как-то днем Тубиб сидел вон в том углу возле двери, а я жаловалась на свою хворь зеленщице. И тут я почувствовала, что он как-то странно смотрит на меня... А потом вдруг мне и

говорит, да так просто, будто заказывает стакан вина: "Пожалуй, я сумею вас вылечить". Я спросила, правда ли, что он доктор. Тубиб улыбнулся и тихо ответил: "Меня никто не лишил права заниматься врачебной практикой".

- Он выписал вам рецепт?

- Нет. Только попросил немножко денег - насколько я помню, двести франков - и сам сходил за порошками к аптекарю. "Будете растворять по одному порошку в теплой воде и пить перед каждым приемом пищи. Утром и вечером умывайтесь очень соленой водой". Хотите верьте, хотите нет, но через два месяца кожа у меня стала такой же гладкой, как теперь.

- Тубиб лечил еще кого-нибудь, кроме вас?

- Не знаю. Ведь разговорчивым его не назовешь... - Он приходил к вам каждый день?

- Почти каждый день... и покупал свои два литра вина.

- Он всегда был один? Вам никогда не приходилось видеть его в обществе неизвестных людей?

- Нет... - Он не называл вам своей фамилии, не говорил, где раньше жил?

- Знаю только, что у него была дочь. У нас тоже есть дочка, сейчас она в школе... Как-то она принялась разглядывать Тубиба, он ей и сказал: "Не бойся... У меня тоже была маленькая девочка".

Лапуэнт, должно быть, только удивлялся: почему это Мегрэ вдруг заинтересовался историей какого-то бродяги? В газетах, в отделе происшествий, ей отведут всего несколько строк, не больше.

Но Лапуэнт не знал - он был еще слишком молод, - что за всю свою служебную карьеру Мегрэ впервые пришлось иметь дело с покушением на жизнь бродяги.

- Сколько с меня?

- Не выпьете ли еще стаканчик - за здоровье бедного Тубиба?

Они выпили еще по стакану кьянти - на сей раз угощал хозяин.

Миновав мост Мари, Мегрэ и Лапуэнт вскоре вошли под серые своды больницы. Там им пришлось вести долгие переговоры с неуступчивой женщиной, восседавшей в регистратуре.

- Вы не знаете его фамилии?

- Мне известно лишь, что на набережных его звали Тубиб и что сюда его доставили прошлой ночью.

- Прошлой ночью дежурила не я. В какое отделение его поместили?

- Не знаю... Я говорил по телефону с одним из практикантов. Он не сказал мне, будут его оперировать или нет.

- Как фамилия практиканта?

Регистраторша несколько раз перелистала книгу записей и позвонила куда-то по телефону, - А кто вы будете?

- Комиссар Мегрэ.

Ясно было, что это имя ничего ей не говорят, и она повторила в трубку:

- Комиссар Мегрэ... Прошло не меньше десяти минут, пока она, словно оказывая ему великую услугу, со вздохом произнесла;

- Пройдите по лестнице "С". Подниметесь на четвертый этаж. Там вы найдете старшую сестру.

По пути Мегрэ и Лапуэнту встречались санитары, молодые врачи, больные в халатах, а через открытые двери палат виднелись ряды коек.

На четвертом этаже им снова пришлось ждать; старшая сестра раздраженно разговаривала с двумя мужчинами, которые тщетно старались ее в чем-то убедить.

- Ничего не могу сделать, - бросила она напоследок. - Обращайтесь к администрации, не я устанавливаю порядки.

Мужчины удалились, проворчав сквозь зубы что-то нелестное. Старшая сестра повернулась к Мегрэ:

- Вы по поводу бродяги?

- Комиссар Мегрэ, - представился тот. Сестра тщетно пыталась вспомнить, кто это, но и ей имя комиссара ничего не говорило. Здесь был совсем другой мир - мир занумерованных кабинетов, разделенных перегородками отделений, коек, расставленных рядами в просторных палатах, и в ногах каждой койки - дощечка с начертанными на ней таинственными знаками.

- Как он себя чувствует?

- Если я не ошибаюсь, его как раз сейчас осматривает профессор Маньен.

- Его оперировали?

- Кто вам сказал про операцию?

- Не помню... Я полагал... Здесь, в этой больнице, Мегрэ чувствовал себя явно не в своей тарелке и даже как-то робел.

- Под какой фамилией он у вас значится?

- Под той, что стоит в его удостоверении личности.

- Оно хранится у вас?

- Могу вам его показать.

Сестра зашла в маленький кабинетик за стеклянной перегородкой в конце коридора и тотчас вернулась, неся засаленное удостоверение личности, еще влажное после пребывания в водах Сены.

Фамилия - Келлер.

Имя - Франсуа Мари Флорантен.

Профессия - тряпичник.

Место рождения - Мюлуз, Нижний Рейн.

Согласно документу, Келлеру минуло шестьдесят три года и проживал он в Париже в меблированных комнатах на площади Мобер. Мегрэ хорошо знал эти номера: они служили официальным местом жительства многих бродяг.

- Он пришел в сознание?

Сестра хотела было забрать удостоверение, но комиссар положил его к себе в карман, и она недовольно проворчала:

- Это не положено. По правилам... - Келлер лежит в отдельной палате?

- С какой стати?

- Проводите меня к нему.

Сначала она заколебалась, но в конце концов уступила.

- Вам все равно придется договариваться с профессором.

Пройдя впереди Мегрэ и Лапуэнта, сестра распахнула дверь, за которой виднелись два ряда коек, запятых больными. Большинство из них лежало неподвижно, с открытыми глазами, а двое или трое в больничных халатах стояли в глубине комнаты и о чем-то потихоньку толковали.

Возле одной из коек, как раз посреди палаты, десяток юношей и девушек, одетых в белые халаты и шапочки, окружили коренастого человека с подстриженными бобриком волосами. Он тоже был в белом халате и, судя по всему, проводил с ними занятия.

- Сейчас профессору нельзя мешать. Как видите, он занят, - заметила сестра.

Однако подошла к нему и прошептала несколько слов на ухо. Профессор взглянул на Мегрэ и продолжал что-то объяснять студентам.

- Профессор освободится через несколько минут, - сказала сестра. - Он просит вас подождать у него в кабинете.

И она провела их в маленькую комнату, где стояло всего два стула. На письменном столе в серебряной рамке - фотография женщины с тремя детьми, склонившимися друг к другу.

Мегрэ поколебался, потом выбил трубку прямо а пепельницу, полную сигаретных окурков, и снова ее набил.

- Простите, что заставил вас ждать, господин комиссар. Когда сестра доложила мне о вас, я был несколько озадачен... В конце концов... Неужели и он тоже скажет: "Ведь это всего лишь бродяга"? Нет, не может быть!

- ...в конце концов, дело весьма обычное, не так ли? - докончил профессор.

- Пока я и сам почти ничего не знаю и надеюсь, что как раз вы прольете свет на это дело.

- Что ж, пробит череп, к счастью - без сопутствующих трещин. Мой ассистент, должно быть, уже сказал вам об этом утром по телефону.

- Тогда еще не было результатов рентгена.

- Теперь снимок сделан... Возможно, потерпевший выкарабкается, поскольку мозг, кажется, не задет.

- Мог ли этот пролом явиться результатом падения и удара о камни набережной?

- Ни в коем случае. Ему был нанесен сильный удар каким-то тяжелым предметом... ну, скажем, молотком или гаечным ключом... - И от этого он потерял сознание?

- Бесспорно... И в результате сейчас находится в коматозном <В коматозном - в бессознательном состоянии.> состоянии... Кстати, он может пробыть в нем несколько дней, а может и в любую минуту прийти в себя... Перед мысленным взором Мегрэ возник крутой берег Сены, конура Тубиба, грязная вода, плескавшаяся в нескольких метрах от него, и почему-то вдруг вспомнилось, что говорил фламандец.

- Простите, что я возвращаюсь к этому вопросу. Вы говорите, что ему нанесли удар по голове. Один удар?

- А почему вы об этом спрашиваете?

- Это может иметь значение для следствия.

- Сначала я подумал, что ударов было несколько.

- Почему?

- Потому что у него разорвано ухо и на лице имеется несколько неглубоких ссадин. Теперь же, когда больного обрили, я осмотрел его более тщательно.

- И пришли к выводу?..

- Простите, где это произошло?

- Под мостом Мари.

- Была драка?

- Кажется, нет. Говорят, на потерпевшего напали ночью, во время сна. Как вы думаете, это правдоподобно?

- Вполне.

- И вы предполагаете, что он сразу потерял сознание?

- Я в этом почти убежден. А теперь, после того что вы мне рассказали, мне понятно, почему у него разорвано ухо и лицо в царапинах. Его вытащили из воды, не так ли? Эти второстепенные ранения доказывают, что беднягу не несли, а волокли по камням набережной. Там есть песок?

- В нескольких метрах от этого места разгружают баржу с песком.

- Я обнаружил песчинки в ране.

- Значит, по-вашему, Тубиб... - Как вы сказали? - удивился профессор.

- Так его зовут на набережных. Не исключено, что когда-то он был врачом.

И вдобавок первым врачом, которого комиссар за тридцать лет своей деятельности обнаружил под мостом Сены. Правда, в свое время Мегрэ как-то набрел там на бывшего преподавателя химии из провинциального лицея, а несколько лет спустя - на женщину, которая в прошлом была известной цирковой наездницей.

- Возможно ли, с медицинской точки зрения, чтобы человек, в бессознательном состоянии сброшенный в реку, сразу же очнулся от холодной воды и закричал? - спросил Мегрэ.

Профессор почесал затылок.

- Хм... вы многого от меня требуете. Мне не хотелось бы утверждать безоговорочно... но я не вижу в этом ничего невозможного. Под воздействием холодной воды... - Он мог прийти в себя?

- Не обязательно. Бывает, что в коматозном состоянии больные что-то говорят и мечтают. Не исключено... - Во время вашего осмотра он не сказал ни слова?

- Несколько раз простонал.

- Когда его вытащили из воды, у него якобы были открыты глаза... - Это ничего не доказывает. Полагаю, вы хотели бы на него взглянуть? Пойдемте со мной.

Профессор Маньен повел полицейских в палату. Старшая сестра удивленно и неодобрительно смотрела на них.

Все больные молча следили за этими неожиданными посетителями, которые, пройдя по палате, остановились у изголовья одной из коек.

- Смотреть тут, собственно, почти не на что! - обронил профессор.

В самом деле, бинты, окутавшие голову и лицо бродяги, оставляли открытыми только глаза, ноздри и рот.

- Сколько шансов, что он выкарабкается?

- Семьдесят из ста, а то и восемьдесят, ибо сердце довольно крепкое.

- Благодарю вас, профессор.

- Вам сообщат, как только он придет в сознание. Оставьте старшей сестре номер своего телефона.

До чего же было приятно снова очутиться на улице, увидеть солнце, прохожих, желтый с красным автобус, что стоял у паперти Собора Парижской богородицы. Из автобуса выходили туристы.

Мегрэ шел молча, заложив руки за спину, и Лапуэнт, чувствуя, что комиссар озабочен, не заговаривал с ним.

Они вошли в здание Сысской полиции, поднялись по широкой лестнице, казавшейся особенно пыльной при солнечном свете, и, наконец, очутились в кабинете комиссара.

Прежде всего Мегрэ открыл настежь окно и проводил взглядом караван баржей, спускавшихся вниз по течению.

- Нужно послать кого-нибудь сверху осмотреть его вещи.

Наверху размещалась судебно-медицинская экспертиза, различные специалисты, техники, фотографы.

- Лучше всего взять машину и перевезти сюда его пожитки.

Мегрэ отнюдь не боялся, что другие бродяги завладеют вещами Тубиба, но уличные мальчишки могли все растащить.

- Тебе придется пойти в управление мостов и дорог... Думаю, что в Париже не так уж много красных машин "Пежо-403". Перепиши все номера с двумя девятками... Возьми в помощь сколько нужно ребят: пусть они проверят эти машины и их владельцев.

- Ясно, шеф.

Оставшись один, Мегрэ прочистил и набил трубки и взглянул на ворох служебных бумаг, скопившихся на столе.

В такую великолепную погоду ему не хотелось завтракать в кабачке "Дофин", и после недолгого раздумья он отправился домой.

В этот час яркое солнце заливало столовую. На госпоже Мегрэ было платье в розовых цветочках, почему-то напомнившее комиссару розоватую кофту толстухи Леа.

С рассеянным видом он ел телячью печенку, зажаренную в сухарях.

- О чем ты думаешь? - вдруг спросила его жена.

- О бродяге.

- Каком бродяге?

- О бродяге, который когда-то был врачом.

- А что он натворил?

- Насколько мне известно, ничего худого. А вот его, когда он спал под мостом Мари, ударили по голове и потом бросили в Сену.

- Он умер?

- Его вовремя вытащили речники.

- За что же его так?

- Об этом-то я и думаю... Кстати, он родом из тех же мест, что и твой свояк.

Сестра госпожи Мегрэ была замужем за дорожным инженером и жила в Мюлузе. Чета Мегрэ часто ездила к ним в гости.

- Как его зовут?

- Келлер. Франсуа Келлер.

- Странно, что-то знакомая фамилия... - Она довольно распространена в тех местах.

- А не позвонить ли сестре?

Комиссар пожал плечами. Потом подумал: а почему бы и нет? Правда, сам он мало верил в успех этого предприятия, но знал, что жене приятно будет поговорить с сестрой.

Подав кофе, госпожа Мегрэ вызвала по телефону Мюлуз. Ожидая вызова, она повторяла про себя, словно пытаясь вспомнить:

- Келлер... Франсуа Келлер... Раздался звонок.

- Алло, алло! Да, да, я заказывала Мюлуз. Это ты, Флоранс? Что? Да, это я. Нет, ничего не случилось... Из Парижа, из дому. Он рядом, пьет кофе. Чувствует себя хорошо... Все в порядке... У нас тоже. Наконец дождалась весны... Как дети? Гриппом? Я тоже немножко прихворнула на прошлой неделе. Послушай, я тебе звоню по делу. Ты случайно не помнишь некоего Келлера, Франсуа Келлера? Что? Сейчас узнаю... Сколько ему лет? - повернувшись к мужу, спросила она.

- Шестьдесят три года.

- Шестьдесят три года... Да... Ты его лично не знала? Что ты говоришь?.. Не разъединяйте, барышня... Алло! Да, он был врачом. Добрых полчаса пытаюсь вспомнить, от кого я о нем

слышала. Думаешь, от твоего мужа?.. Да, подожди! Я повторю мужу все, что ты сказала, ему ведь не терпится. Этот Келлер женился на девушке, по фамилии Мервиль. Кто такие Мервили? Советник суда? Значит, Келлер женился на дочери советника суда? Ну-ну... Тот умер? Давно? А дальше? Не удивляйся, что я повторяю твои слова, иначе я что-нибудь забуду. Почтенная семья, давно живущая в Мюлузе. Дед был мэром. Плохо слышу... Статуя? Вряд ли это имеет значение. Не беда, если ты в этом не уверена. Алло! Келлер женился на ней. Единственная дочь... На улице Соваж? Молодожены жили на улице Соваж. Чудак? Почему? Ты точно знаешь? Да, да, поняла! Такой же дикий, как и его улица <Соваж - по-французски "дикий">.

Жена смотрела на Мегрэ с таким видом, будто хотела сказать, что делает все от нее зависящее.

- Да, да. Все равно, даже если это и неинтересно. С ним ведь никогда ничего не поймешь... Иной раз какая-нибудь мелочь. Да... В каком году? Значит, прошло почти двадцать лет. Она получила от тетки наследство. А он от нее ушел. Не сразу. Прожил еще с год. У них были дети? Дочь? За кого? Руслэ? Аптекарские товары? Она живет в Париже?

Госпожа Мегрэ повторила мужу:

- У них была дочь, которая вышла замуж за сына Руслэ, фабриканта аптекарских товаров. Они живут в Париже.

Потом снова заговорила в трубку:

- Понимаю... Послушай, постарайся разузнать обо всем подробнее. Да, спасибо! Поцелуй за меня мужа и детей. Звони в любое время, я не выхожу из дому.

В трубке послышался звук поцелуя. Теперь госпожа Мегрэ обратилась к мужу:

- Я была уверена, что слышала эту фамилию. Ты понял? По всей вероятности, это тот самый Франсуа Келлер, что женился на дочери советника суда. Советник умер незадолго до их свадьбы.

- А его жена? - спросил комиссар. Госпожа Мегрэ пылливо взглянула на мужа: уж не подтрунивает ли он над ней?

- Не знаю. Флоранс ничего не сказала про нее. Лет двадцать тому назад мадам Келлер получила наследство от одной из своих теток. Теперь она очень богата. А доктор всегда слыл чудачком. Ты слушал, что я тебе говорила? По словам сестры, он настоящий дикарь. Семья Келлер переехала из прежнего дома в особняк, неподалеку от собора. Доктор еще год прожил с женой, а потом внезапно исчез. Флоранс сейчас позвонит своим приятельницам - конечно, тем, кто постарше, - чтобы разузнать подробности. А потом мне все сообщит. Тебе же это интересно?

- Мне все интересно, - вздохнул Мегрэ, поднимаясь с кресла, чтобы взять с подставки следующую трубку.

- А тебе не придется поехать в Мюлуз?

- Еще сам не знаю.

- Возьмешь меня с собой?

Они улыбнулись друг другу. Окно было распахнуто настежь. Ярко светило солнце, невольно нагоняя непрощенные мысли об отпуске.

- До вечера... Я запишу все, что сестра мне расскажет. А потом можешь посмеяться над нами...

Глава 3

Юный Лапуэнт, видимо, бегал по Парижу, разыскивая красные машины марки "Пежо-403". Жанвье тоже не было на месте: его вызвали в клинику, и там он беспокойно мерил шагами коридоры, поджидая, когда жена подарит ему четвертого ребенка.

- У тебя срочная работа, Люка?

- Потерпит, шеф!

- Зайди ко мне на минутку.

Он хотел послать его в больницу за вещами Тубиба. Утром Мегрэ как-то не подумал об этом.

- Тебя, конечно, начнут гонять из кабинета в кабинет и ссылаться на разные правила. Поэтому лучше заранее запастись письмом со множеством печатей, чтобы это произвело на них впечатление.

- А кто его подпишет?

- Подпиши сам. Им ведь важны только печати. Мне хотелось бы также получить отпечатки пальцев этого самого Франсуа Келлера... Кстати, не проще ли мне самому позвонить директору больницы?

Откуда-то прилетел воробей, уселся прямо на подоконник и теперь поглядывал на мужчин, расхаживавших по комнате, которая, должно быть, представлялась ему своеобразным человеческим гнездом.

Мегрэ крайне вежливо предупредил директора больницы о том, что к ним пойдет бригадир Люка. Итак, все обошлось как нельзя лучше.

- Никакого письма не нужно! - объявил Мегрэ, вешая трубку. - Тебя немедленно проведут к директору, и он сам будет тебя сопровождать.

Оставшись один, Мегрэ принялся перелистывать телефонный справочник абонентов Парижа.

"Руслэ... Руслэ... Амедэ... Артюр, Алин..."

Там было множество разных Руслэ, но он остановился на фамилии, выделенной жирным шрифтом: "Фармацевтическая лаборатория Рене Руслэ".

Лаборатория находилась в Четырнадцатом округе, неподалеку от Орлеанской заставы. Ниже значился домашний адрес этого Руслэ - бульвар Сюшэ, Шестнадцатый округ.

На часах было половина третьего. Неожиданно налетел порыв ветра, завертел на мостовой клубы пыли, как бы предвещающая грозу, но быстро утихомирился, и вот снова по-весеннему засияло солнце.

- Алло! - раздался низкий и приятный женский голос.

- Простите, я хотел бы поговорить с мадам Руслэ.

- Кто говорит?

- Комиссар Мегрэ из Сыскной полиции. Женщина помолчала, потом спросила:

- А по какому вопросу?

- По личному делу.

- Я мадам Руслэ.

- Вы родились в Мюлузе и ваша девичья фамилия Келлер?"

- Да.

- Мне необходимо встретиться с вами как можно скорее. Вы не разрешите заехать к вам?

- Вы хотите сообщить мне что-то неприятное?

- Мне нужно только получить от вас кое-какие сведения.

- Когда вам угодно меня видеть?

- Я могу выехать немедленно... - Не мешай мне разговаривать, Жанно! - сказала она кому-то, должно быть ребенку.

Чувствовалось, что госпожа Руслэ удивлена, заинтригована, встревожена.

- Я жду вас, господин комиссар. Наша квартира на четвертом этаже.

Мегрэ любил парижские набережные в утренние часы. Вид их всегда пробуждал в нем множество воспоминаний. Особенно было приятно вспоминать о совместных прогулках с госпожой Мегрэ, когда они неторопливо бродили по берегу Сены через весь Париж. Мегрэ нравились также и та спокойная улица, и красивые дома, и зелень богатых кварталов, куда вез его сейчас в маленьком полицейском автомобиле инспектор Торанс.

- Подняться с вами, шеф?

- Пожалуй, не стоит.

В вестибюль, облицованный белым мрамором, вела двустворчатая дверь из кованого железа и стекла. Просторный лифт поднимался плавно и бесшумно. Мегрэ едва успел нажать кнопку звонка, как дверь отворилась, и лакей в белой куртке почтительно принял из его рук шляпу.

- Пожалуйста сюда!

У порога лежал красный мяч, на ковре валялась кукла, и в приоткрытую дверь комиссар успел заметить няню, уводившую по коридору маленькую девочку в белом. Отворилась другая дверь - должно быть, из будуара, расположенного рядом с гостиной.

- Входите, господин комиссар!

Мегрэ полагал, что госпоже Руслэ должно быть лет тридцать пять. Однако она выглядела куда моложе. Интересная брюнетка в легком летнем костюме. Взгляд столь же приветливый и мягкий, как и голос. Едва слуга затворил за собой дверь, как она обратилась к гостю:

- Садитесь, пожалуйста! С той минуты, как мне позвонили, я не перестаю ломать себе голову... Вместо того чтобы прямо перейти к цели своего визита, Мегрэ невольно спросил:

- Сколько же у вас детей?

- Четверо: одиннадцати, девяти, семи и трех лет. Судя по всему, она впервые видела у себя в доме полицейского и теперь смотрела на него во все глаза.

- Вначале я подумала, не случилось ли чего-нибудь с мужем.

- Он в Париже?

- Нет, он на съезде в Брюсселе, и я тотчас же позвонила ему.

- Вы помните своего отца, мадам Руслэ? Казалось, она немного успокоилась. В комнате повсюду стояли цветы, а через большие окна виднелись деревья Булонского леса.

- Да, я его помню, хотя... Она замялась.

. - Когда вы его видели в последний раз?

- Очень давно... Мне было тогда тринадцать лет... - Вы еще жили в Мюлузе?

- Да... Я переехала в Париж только после замужества.

- Вы познакомились со своим будущим супругом в Мюлузе?

- Нет, в Ла-Боле, куда мы с мамой ездили каждый год.

Вдруг послышались детские голоса, крики. В коридоре кто-то шлепнулся.

- Извините меня, одну минуту. Она вышла, прикрыв за собой дверь, и что-то сказала тихо, но довольно решительно.

- Простите, пожалуйста... Дети сегодня не в школе, и я обещала пойти с ними гулять.

- Вы узнали бы вашего отца?

- Думаю, что да.

Мегрэ вытащил из кармана удостоверение личности Тубиба. Судя по дате выдачи документа, снимок был сделан лет пять назад. Это была обычная карточка, отснятая фотоавтоматом, какие стоят в крупных магазинах, на вокзалах или в полицейской префектуре.

Франсуа Келлер не побрился и не приделся даже ради такого случая. Щеки его заросли густой бородой, которую он, вероятно, время от времени подстригал ножницами. Голова слегка облысела. Взгляд был рассеянный и безразличный.

- Это он?

Держа документ в слегка дрожащей руке, госпожа Руслэ нагнулась, чтобы лучше его рассмотреть. Вероятно, она была близорука.

- Отец сохранился в моей памяти не таким, но я почти уверена, что это он.

И она еще ниже склонилась над карточкой.

- Вот с лупой я могла бы... Обождите, я сейчас принесу.

Госпожа Руслэ положила удостоверение на столик, вышла из комнаты и через несколько минут вернулась с лупой в руке.

- У отца был маленький, но глубокий шрам над левым глазом. Так и есть... Его довольно трудно различить на такой фотографии, но все же вот он. Взгляните сами!..

Мегрэ тоже посмел рел в лупу.

- Я так хорошо помню об этом шраме потому, что отец пострадал из-за меня... Как-то в воскресенье мы гуляли за городом. Мне было тогда около восьми лет... День выдался очень жаркий. Вдоль пшеничного поля росло много маков, и мне захотелось нарвать букет. А поле было окружено колючей проволокой. Отец раздвинул ее, чтобы я могла пролезть. Он придерживал нижнюю проволоку ногой и слегка нагнулся вперед... Странно, что я так хорошо помню эту сцену, хотя забыла многое другое! Нога у него, очевидно, соскользнула, и проволока, спружинив, ударила его по лицу. Мама боялась, что поврежден глаз. Вытекло много крови. Мы побежали на ближайшую ферму, чтобы промыть глаз и наложить повязку... Вот с тех пор у него и остался шрам.

Рассказывая об этой истории, она с беспокойством поглядывала на Мегрэ и, казалось, оттягивала ту минуту, когда комиссару придется сообщить ей подлинную причину своего визита.

- С ним что-нибудь случилось?

- Прошлой ночью его ранили, и притом в голову, но врачи думают, что его жизнь вне опасности.

- Это произошло в Париже?

- Да, на берегу Сены... Затем тот или те, кто на него напали, бросили его в воду.

Комиссар не сводил с нее глаз, следя, как она реагирует на его слова, но госпожа Руслэ и не пыталась укрыться от его пристального взгляда.

- Вам известно, как жил ваш отец?

- Лишь в общих чертах... - То есть?

- Когда он нас покинул... - Вы мне сказали, что вам было тринадцать лет. А вы помните, как он уехал?

- Нет. Утром я не нашла его дома и очень удивилась. Тогда мама сказала мне, что отец отправился в далекое путешествие... - Когда вы узнали, где он находится?

- Через несколько месяцев маме сообщили, что отец живет в Африке, в лесах, и лечит там негров... - И это было действительно так?

- Думаю, да... Позднее люди, встречавшиеся там с отцом, подтвердили эти слухи. Он поселился в Габоне, на врачебном пункте, расположенном в сотнях километров от Либревилья... - И долго он пробыл в Габоне?

- Во всяком случае, несколько лет. Между прочим, в Мюлузе одни считали отца чуть ли не святым, другие... Мегрэ ждал. Поколебавшись, она добавила:

- Другие называли его фантазером, полусумасшедшим... - А ваша матушка?
- Думаю, что мама смирилась со случившимся... - Сколько ей сейчас лет?
- Пятьдесят четыре года... Нет, пятьдесят пять... Теперь я знаю, что отец оставил ей письмо, но она мне никогда его не показывала. Видимо, он написал, что не вернется и поэтому готов взять на себя все неприятности, связанные с разводом.

- Они развелись?

- Нет. Мама рьяная католичка... - Ваш муж в курсе дел?

- Конечно. Мы от него ничего не скрыли.

- Вы знали, что ваш отец возвратился в Париж? Веки ее вздрогнули, и Мегрэ почувствовал, что она готова солгать.

- И да, и нет... Сама я никогда его не видела... И у нас с мамой не было полной уверенности, что он действительно вернулся. Впрочем, один из жителей Мюлуза рассказывал маме, что встретил на бульваре Сен-Мишель человека-рекламу, удивительно похожего на отца... Это был старый друг мамы... Он добавил, что когда он окликнул этого человека по имени, тот вздрогнул, но не признался... - Ну, а вашей матушке или вам не приходила мысль обратиться в полицию?

- А зачем? Отец сам избрал свой удел... Он понимал, что не может жить с нами.

- Вас не тревожила его судьба?

- Мы с мужем не раз говорили о нем.

- Ас вашей матушкой?

- Конечно, я спрашивала ее об отце... и до замужества, и после.

- Как же она смотрит на эту историю?

- В нескольких словах трудно это объяснить. Мама его жалеет... И я тоже. Но иногда я спрашиваю себя: не чувствует ли он себя так счастливее... И, понизив голос, смущенно добавила:

- Есть люди, которые не способны приноровиться к нашему образу жизни... Да и потом мама... Чувствовалось, что госпожа Руслэ волнуется. Поднявшись с кресла, она подошла к окну, постояла, глядя на улицу, потом вернулась обратно.

- Я не могу сказать о ней ничего дурного. Но у нее свой взгляд на вещи... впрочем, как и у каждого человека. Может быть, выражение "властный характер" слишком сильно по отношению к ней, но мама любит, чтобы все делалось так, как ей хочется.

- После ухода отца у вас сохранились с матерью хорошие отношения?

- Более или менее... И все же я с радостью вышла замуж и... - ...и избавились от ее опеки?

- Не без этого, - улыбнулась она. - Конечно, это не слишком оригинально: ведь многие девушки оказываются в таком же положении. Мама любит бывать в гостях, принимать у себя, встречаться с видными людьми... В Мюлузе у нее собиралось самое избранное общество.

- Даже когда отец жил с вами?

- Да, в последние два года.

- А почему в последние два?

Комиссар вспомнил о телефонном разговоре госпожи Мегрэ с сестрой и почувствовал себя как-то неловко: ведь сейчас он узнает без ее помощи все эти подробности.

- Потому что мама получила наследство от тети... Раньше мы жили очень скромно, в тесной квартирке и даже не в лучшем районе города. Отец в основном лечил рабочих... Наследство свалилось на нас как снег на голову... Вскоре мы переехали на новое место. Мама купила особняк возле собора... Ей нравилось, что над порталом был герб... - Вы знали родных вашего отца?

- Нет. Только видела несколько раз его брата, которого потом убили на фронте. Если не ошибаюсь, он погиб где-то в Сирии... во всяком случае, не во Франции.

- А родителей вашего отца?

Снова слышались детские голоса, но на сей раз она не обратила на них внимания.

- Его мать умерла от рака, когда папе исполнилось пятнадцать лет... А отец был подрядчиком по столярным и плотничьим работам. Мама говорила, что у него под началом было человек десять. Однажды, когда мой отец еще учился в университете, деда нашли повесившимся в мастерской, и выяснилось, что он был на краю банкротства.

- Но вашему отцу все же удалось закончить курс?

- Да, он одновременно учился и работал у аптекаря.

- А какой характер был у вашего отца?

- Очень ласковый. Я понимаю, что мой ответ не может вас удовлетворить, но именно таким он и запомнился. Очень ласковый и немного грустный.

- Бывали у него ссоры с вашей матерью?

- Я никогда не слышала, чтобы отец повысил голос... Правда, если он не был занят дома, то, как правило, все свое свободное время проводил у больных. Помнится, мама упрекала его за то, что он не следит за собой, ходит всегда в одном и том же неглаженном костюме, иной раз по три дня не бреется. А я говорила ему, что у него колетса борода, когда он меня целует.

- Об отношениях вашего отца с коллегами вам, очевидно, мало что известно?

- То, что я знаю, исходит от мамы, только тут трудно отделить правду от полуправды. Она, конечно, не лжет, но в ее изложении все выглядит так, как ей хотелось бы видеть... Раз она вышла за отца, то одно это уже делало его человеком необыкновенным.

"Твой отец - лучший врач в городе, - говорила она мне. - И, безусловно, один из лучших врачей во Франции. К сожалению..." - Госпожа Руслэ снова улыбнулась. - Вы, разумеется, догадываетесь, что за этим следовало... Отец не сумел приспособиться... Он не хотел поступать, как другие... Мама не раз давала ему понять, что дедушка повесился отнюдь не из-за угрозы банкротства, а потому что страдал неврастенией... У него была дочь, которая какое-то время провела в психиатрической больнице... - Что с ней стало?

- Не знаю... Думаю, что и мама ничего о ней не знает. Во всяком случае, она уехала из Мюлуза.

- А ваша матушка по-прежнему живет там же?

- Мама давно переехала в Париж.

- Вы можете дать ее адрес?

- Орлеанская набережная, двадцать девять-бис. Мегрэ вздрогнул, но она ничего не заметила и продолжала:

- Это на острове Сен-Луи... С тех пор, как остров стал одним из самых модных районов Парижа... - Знаете, где было совершено покушение на вашего отца?

- Конечно, нет... - Под мостом Мари... В трехстах метрах от дома вашей матери.

Она обеспокоенно нахмурилась.

- Это ведь мост через другой рукав Сены, не так ли? Мамины окна выходят на набережную Турнель.

- У вашей матери есть собака?

- Почему вы об этом спрашиваете?

Несколько месяцев, пока ремонтировали дом Мегрэ на бульваре Ришара Ленуара, супруги жили на Вогезской площади и часто по вечерам гуляли по острову Сен-Луи. В этот час владельцы собак или слуги обычно прогуливали своих питомцев по набережным Сены.

- У мамы только птицы. Кошки и собаки приводят ее в ужас. - Внезапно переменив тему разговора, она спросила:

- Куда же поместили отца?

- В ближайшую к мосту Мари больницу.
- Вы, несомненно, хотели бы... - Не теперь... Возможно, позднее я попрошу вас навестить его, чтобы окончательно установить его личность. Но сейчас голова и все лицо у него забинтованы.
- Он очень страдает?
- Он без сознания.
- За что же его так?
- Вот это я и пытаюсь выяснить.
- Может быть, произошла драка?
- Нет. По всем данным, его ударили, когда он спал.
- Под мостом?.. Комиссар поднялся.
- Вы, наверно, сейчас пойдете к маме?
- Это необходимо.
- Разрешите позвонить ей по телефону, чтобы сообщить о случившемся?

Мегрэ помедлил с ответом. Он предпочел бы увидеть, какое впечатление произведет это известие на госпожу Келлер. Однако отказать не решился.

- Благодарю вас, господин комиссар. Об этом происшествии напечатают в газетах?
- О покушении, вероятно, уже напечатано, но лишь несколько строк, и фамилия вашего отца, конечно, не упоминается - ведь и я узнал ее лишь около полудня.
- Мама будет настаивать, чтобы фамилию не называли.
- Я сделаю все, что в моих силах.

Когда госпожа Руслэ провожала гостя до передней, крошечная девчурка подбежала к ней и уцепилась за юбку.

- Сейчас пойдем гулять, детка. Беги попроси Нана одеть тебя.

Торанс расхаживал взад и вперед перед домом госпожи Руслэ. Маленький черный автомобиль Сыскной полиции выглядел довольно жалко среди длинных, сверкающих никелем частных машин.

- Набережная Орфевр?
- Нет. Остров Сен-Луи, Орлеанская набережная... Дом был старинный, с огромными воротами, но содержался в отличном состоянии. Медные ручки, перила, лестница, стены - все было начищено, отмыто, выскоблено. Даже консьержка, в черном платье и белом переднике, походила на служанку из хорошего дома.
- Вы приглашены?
- Хм... Нет, но мадам Келлер ждет меня.
- Минутку, прошу вас... Швейцарская походила на маленькую гостиную, где пахло не кухней, как обычно, а воском для паркетов. Консьержка сняла телефонную трубку.

- Как доложить?
- Комиссар Мегрэ.
- Алло!.. Берта?.. Скажи, пожалуйста, мадам, что некий комиссар Мегрэ просит его принять... Да, он здесь... Ему можно подняться?.. Благодарю... Можете подняться... Третий этаж, направо.

Поднимаясь по лестнице, Мегрэ вдруг подумал, стоят ли еще на причале, у набережной Селестэн, фламандцы или же, подписав протокол, уже спускаются по руке к Руану. Не успел он позвонить, как дверь распахнулась и молоденькая, хорошенькая горничная окинула комиссара любопытным взглядом, будто бы впервые увидела живого полицейского.

- Пожалуйста, сюда... Позвольте вашу шляпу... Комнаты с очень высокими потолками были отделаны в стиле барокко: повсюду позолота, мебель, щедро украшенная резьбой... С порога

слышалось щебетанье попугайчиков. В приоткрытую дверь гостиной видна была громадная клетка, а в ней - не менее десятка птичьих пар.

Прождав минут десять, Мегрэ в знак протеста закурил трубку. Впрочем, он тотчас же вынул ее из рта, как только в гостиную вошла госпожа Келлер. Мегрэ был поражен, увидев перед собой маленькую, хрупкую и еще молодую женщину. Она казалась лет на десять старше дочери, не больше. У нее были голубые глаза и великолепный цвет лица. Черное с белым платье очень ей шло.

- Жаклин звонила мне, - сразу же сказала она, указывая Мегрэ на неудобное кресло с высокой жесткой спинкой.

Сама она села на пуф, обитый старинной ковровой тканью. Держалась она прямо - так, должно быть, ее приучили в монастырском пансионе.

- Итак, вы разыскали моего мужа?

- Мы его не разыскивали, - возразил комиссар.

- Ну, разумеется... Но вообще я не понимаю, ради чего он мог бы понадобиться вам... Каждый волен жить так, как ему нравится... Что же, он в самом деле вне опасности или вы сказали это, чтобы не волновать дочь?

- Профессор Маньен считает, что восемьдесят процентов за то, что он поправится.

- Маньен?.. Я с ним хорошо знакома... Он не раз бывал здесь... - Вы знали, что ваш муж в Париже?

- И знала, и не знала. После его отъезда в Габон прошло около двадцати лет. За это время я получила всего две открытки, да и те были написаны в первые месяцы его пребывания в Африке... Госпожа Келлер не разыгрывала перед Мегрэ комедию скорби, она смотрела ему прямо в лицо, как женщина, не теряющаяся ни в каких ситуациях.

- Вы хоть уверены, что речь идет действительно о нем?

- Ваша дочь опознала его.

Мегрэ протянул госпоже Келлер удостоверение ее мужа с фотографией.

Она подошла к комоду, взяла очки и долго рассматривала карточку. На лице ее не отразилось ни малейшего волнения.

- Жаклин права. Конечно, он изменился, но и я бы поклялась, что это Франсуа. - Она подняла голову. - В самом деле он жил поблизости?

- Под мостом Мари.

- А ведь я проходила не раз по этому мосту... Одна моя хорошая знакомая живет как раз напротив, на том берегу Сены. Мадам Ламбуа... Должно быть, вы слышали о ней, ее муж... Мегрэ абсолютно не интересовало, какое высокое положение занимает супруг госпожи Ламбуа.

- Вы не встречались с мужем после того, как он покинул Мюлуз?

- Ни разу.

- Он не писал вам? Не звонил?

- Кроме двух открыток, я не имела от него никаких известий... Во всяком случае, прямым путем... - А косвенным?

- Как-то у друзей я столкнулась с бывшим губернатором Габона, господином Периньоном. Он спросил, не родственница ли я некоего доктора Келлера.

- Что же вы ответили?

- Правду. Он был очень смущен. Я с трудом вытянула из него кое-какие сведения. Господин Периньон признался, что Франсуа не нашел там того, что искал... - А что же он искал?

- Понимаете ли, Франсуа был идеалист... Он не создан для современной жизни. После разочарования, постигшего его в Мюлузе... На лице Мегрэ промелькнуло удивление.

- Разве дочь вам об этом не рассказывала? Впрочем, она тогда была еще слишком мала и редко видела отца... Вместо того чтобы подобрать себе подходящую клиентуру... Вы не откажетесь от чашечки чаю?.. Нет? В таком случае, извините меня - я привыкла пить чай в это время. - Она позвонила. - Подайте чай, Берта!

- На одну персону?

- Да. Что я могу вам предложить, комиссар?.. Виски? Ничего? Как вам угодно. Так о чем я говорила?.. Ах, да... Если я не ошибаюсь, существует такой роман, который называется не то "Врач бедняков", не то "Сельский врач"... Так вот, муж был своего рода врачом для бедных, и, если бы я не получила наследства от тети, мы вскоре тоже превратились бы в бедняков... Учтите, я ничего не имею против него... Такова уж была у него натура... Его отец... впрочем, неважно... В каждой семье свои проблемы.

Зазвонил телефон.

- Вы разрешите?.. Алло! Да, это я... Алиса?.. Да, дорогая, может быть, немного запоздаю... Нет, нет, напротив, очень хорошо... Ты видела Лору?.. Она там будет?.. Я больше не могу с тобой говорить - у меня тут один посетитель... Потом расскажу. До свидания! - Улыбаясь, она уселась на прежнее место. - Это жена министра внутренних дел. Вы ее знаете?

Мегрэ лишь отрицательно мотнул головой и машинально опустил трубку в карман. Попугайчики госпожи Келлер раздражали его не меньше, чем помехи в разговоре. Вот и теперь вошла горничная и стала накрывать стол к чаю.

- Франсуа хотел стать ординатором, больничным врачом, и два года упорно готовился к конкурсу... Если вы будете в Мюлузе, всякий скажет, что тогда допустили вопиющую несправедливость: Франсуа, несомненно, был лучшим, наиболее подготовленным из кандидатов. Мне думается, что в больнице он оказался бы на своем месте... Взяли, по обыкновению, протеже одного влиятельного лица. Но это же не причина, чтобы все бросить... - Значит, это-то разочарование и привело... - Не знаю, может быть, и так... Я слишком редко видела мужа... Если даже он сидел дома, то обычно запирался у себя в кабинете. Он и раньше был каким-то диковатым, а с того дня вообще... будто утратил власть над собой... Я не хочу говорить о нем дурно... Мне и в голову не приходила мысль о разводе, хотя в своем письме он предложил мне развестись.

- Он пил?

- Дочь говорила вам об этом?

- Нет.

- Да, он стал пить... Заметьте, я ни разу не видела его пьяным, хотя в кабинете всегда стояла бутылка вина... Правда, другим случалось видеть, как он выходил из паршивеньких бистро, где люди его положения обычно не бывают.

- Вы начали рассказывать мне про Габон.

- Я думаю, что муж хотел стать вторым доктором Швейцером <Швейцер, Альбер (1875 - 1965) - крупный французский ученый, врач и прогрессивный деятель. Организовал в Габоне хирургическую клинику и лепрозорий.>. Надеюсь, вы понимаете меня?.. Лечить негров в джунглях, построить там больницу, постараться не видеть белых, а особенно людей своего круга... - И это ему удалось?

- Судя по тому, что мне - кстати, весьма неохотно - сообщил губернатор, ему удалось лишь восстановить против себя администрацию и местные крупные компании... Может быть, из-за климата он стал пить еще больше. Не подумайте, что я говорю это из ревности, я никогда его не

ревновала... Там, в Габоне, он жил в хижине... с негритянкой, и кажется, у них были дети... Мегрэ смотрел на клетку с попугайчиками, пронизанную лучами солнца.

- Ему дали понять, что его дальнейшее пребывание там нежелательно.

- Вы хотите сказать, что его выслали из Габона?

- По всей вероятности, да. Я не знаю толком, как это делается, а губернатор говорил весьма уклончиво... Но так или иначе, Франсуа пришлось уехать.

- Как-то раз один из ваших знакомых встретил его на бульваре Сен-Мишель. Когда же это случилось?

- Дочь и об этом вам говорила? Имейте в виду, я вовсе не уверена, что это был именно он. Просто человек с рекламой местного ресторана был похож на Франсуа... Когда мой знакомый назвал его по имени, он вздрогнул... - Ваш знакомый заговорил с ним?

- Франсуа посмотрел на него так, будто никогда в глаза его не видел. Вот и все, что мне известно.

- Я только что говорил вашей дочери, что сейчас не время просить вас посетить больницу, чтобы опознать его, - ведь все лицо у него забинтовано. Но когда ему станет лучше... - А вы не думаете, что это будет слишком тягостно?

- Для кого?

- Для него, конечно!

- И тем не менее необходимо устранить малейшие сомнения насчет его личности.

- Я почти убеждена, что это он... Хотя бы из-за шрама... Помню, это было в воскресенье, в августе... - Я знаю.

- В таком случае, я не вижу, чем еще могу быть вам полезной... Мегрэ поднялся - ему не терпелось выскочить на улицу и больше не слышать этой ужасной трескотни попугайчиков.

- Надеюсь, что в газетах... - Обещаю вам, что в газетах будет лишь краткое сообщение.

- Это важно не столько для меня, сколько для моего зятя. Человеку деловому всегда неприятно, когда... Заметьте, зять был в курсе дел, он все понял и примирился... Так вы и в самом деле ничего не хотите выпить?

- Благодарю вас.

Очутившись на тротуаре, Мегрэ спросил Торанса:

- Где здесь можно найти скромненькое, тихое бистро? Страшно хочу пить!

Эх, поскорее бы кружку холодного пива с густой шапкой пены!

И они действительно нашли тихое полутемное бистро, но пиво там, увы, оказалось тепловатым и безвкусным.

Глава 4

- Список у меня на столе, - сказал Люка. Как всегда, он старательно выполнил поручение.

Мегрэ увидел перед собой не один, а несколько списков, напечатанных на машинке. Прежде всего - опись самых разнообразных предметов. Сотрудник судебно-медицинской экспертизы подвел их под рубрику "рухлядь", хотя вещи эти, некогда хранившиеся под мостом Мари, составляли все движимое и недвижимое имущество Тубиба! Фанерные ящики, детская коляска, рваные одеяла, старые газеты, жаровня, котелок, "Надгробные речи" Боссюэ и все остальное было свалено теперь наверху, в углу лаборатории Дворца Правосудия.

В следующем списке перечислялась одежда Келлера, доставленная Люка из больницы. И, наконец, на отдельном листе было выписано все содержимое его карманов.

Вместо того чтобы просмотреть этот последний список, Мегрэ отодвинул его в сторону и с любопытством вскрыл коричневый бумажный пакет, куда бригадир Люка сложил все мелочи. В эту минуту Мегрэ, освещенный лучами заходящего солнца, представлял собой занятное зрелище - ни дать ни взять, ребенок, который нетерпеливо развязывает мешочек под рождественской елкой, ожидая найти в нем бог весть какое сокровище!

Сначала комиссар извлек и положил на стол очень старый, помятый стетоскоп.

- Он находился в правом кармане пиджака, - пояснил инспектор. - Я попросил в больнице проверить его, и мне сказали, что он неисправен.

Почему же, в таком случае, Франсуа Келлер носил его при себе? Надеялся починить? Или же хранил его как реликвию, как последний своеобразный символ своей профессии?

Затем Мегрэ вынул перочинный нож с тремя лезвиями и пробочник с треснувшей роговой ручкой. Как и все остальное, он, скорее всего, откопал его в каком-нибудь мусорном ящике.

Еще вересковая трубка, мундштук которой был скреплен проволокой.

- В левом кармане... - пояснял Люка. - Она еще влажная.

Мегрэ невольно принюхался.

- Табака, наверно, нет? - спросил он.

- На дне мешка валялось несколько окурков. Но они так размокли, что превратились в сплошную кашу.

Перед мысленным взором комиссара мелькнул образ человека, который останавливается на тротуаре, нагибается за окурком, разворачивает гильзу и сыпает табак в трубку... Мегрэ, разумеется, не подал вида, но в глубине души ему было приятно, что Тубиб курил трубку. Ни его дочь, ни жена не упоминали об этой детали.

Гвозди, винтики. Для чего? Бродяга, видимо, подбирал их во время раскопок мусорных ящиков и набивал ими карманы, не задумываясь, пригодятся ли они ему когда-нибудь. Очевидно, он считал их своеобразными талисманами. Недаром в его карманах нашли еще три предмета, совсем уж бесполезные для человека, который ночует под мостами и от холода завертывается в газеты.

Это были три шарика - три стеклянных шарика с желтыми, красными и зелеными волокнами внутри. Такой шарик дети обменивают на пять или шесть простых, а потом любят его необыкновенными красками, переливающимися на солнце.

Вот и все содержимое мешка, кроме нескольких монет да кожаного кошелька с двумя пятидесятифранковыми билетами, слипшимися от воды.

Мегрэ взял один из шариков и принялся перекачивать его на ладони.

- Ты взял у него отпечатки пальцев?

- Да. Все большие смотрели на меня во все глаза... Потом я поднялся в архив и перебрал для сравнения карточки с дактилоскопическими данными.

- И что же?

- Ничего. Келлер никогда не имел дела ни с нами, ни с судом.

- Он еще не пришел в себя?

- Нет. Когда я стоял возле его койки, глаза его были полуоткрыты, но, скорее всего, он ничего не видел. Дышит он со свистом. Иногда тихонько стонет... Прежде чем вернуться домой, комиссар подписал необходимые бумаги. Несмотря на сосредоточенное выражение лица, в Мегрэ угадывалась какая-то задорная легкость, что было под стать искрящемуся, солнечному парижскому дню. Уходя из комнат, Мегрэ - неушто по рассеянности? - опустил один из стеклянных шариков себе в карман.

Был вторник, и, следовательно, дома его ждала запеканка из макарон. Обычно в остальные дни блюда менялись, но по четвергам у Мегрэ всегда подавался мясной бульон, а по вторникам - макаронная запеканка, начиненная мелконарубленной ветчиной или тонко нарезанными трюфелями.

Госпожа Мегрэ тоже была в отличном настроении, к по лукавому блеску ее глаз комиссар понял, что у жены есть для него новости. Он не сразу сказал ей, что побывал у Жаклин Руслэ и мадам Келлер.

- Я здорово проголодался!

Госпожа Мегрэ думала, что он тотчас же засыплет ее вопросами, но он не торопился и принялся расспрашивать ее лишь тогда, когда они уселись за стол, стоявший перед открытым окном. Воздух казался синеватым, на небе еще алели полосы вечерней зари.

- Звонила тебе сестра?

- Кажется, Флоранс неплохо справилась. За день она успела обзвонить всех своих приятельниц. На столе возле прибора госпожи Мегрэ лежал листок бумаги с записями.

- Пересказать тебе, что она мне передала? Уличный гул мелодично вплетался в их разговор; слышно было, как у соседей включили телевизор.

- Не хочешь послушать последние новости?

- Нет, я предпочитаю послушать тебя... Пока жена рассказывала, Мегрэ несколько раз опускал руку в карман и будто невзначай вертел стеклянный шарик.

- Чему ты улыбаешься?

- Просто так... Я тебя слушаю.

- Прежде всего я узнала, откуда взялось состояние, которое тетка оставила мадам Келлер. Это довольно длинная история. Рассказать тебе подробно?

Он кивнул, продолжая похрустывать макаронами.

- В свое время ее тетка работала сиделкой и в сорок лет еще не была замужем.

- Она жила в Мюлузе?

- Нет, в Страсбурге. Это была сестра матери мадам Келлер. Ты меня слушаешь?

- Да, да.

- Итак, она работала в больнице... Там каждый профессор ведет несколько палат для частных пациентов. Однажды, незадолго до войны, она ухаживала за больным, о котором потом нередко вспоминали в Эльзасе. Это был некий Лемке, торговец металлическим ломом, человек богатый, но с весьма скверной репутацией. Кое-кто утверждал, что он не чурался и ростовщичества.

- И он на ней женился?

- Откуда ты знаешь?

Мегрэ пожалел, что испортил ей конец рассказа.

- Я догадался по твоему лицу.

- Да, он на ней женился. Но слушай дальше... Во время войны Лемке продолжал торговать цветным ломом. Естественно, он сотрудничал с немцами и сколотил себе на этом неплохое состояние... Я слишком тяну? Тебе надоело?

- Ничего подобного! Что же было после освобождения?

- ФФИ <Французские силы внутреннего сопротивления во время второй мировой войны.> искали Лемке, чтобы отобрать награбленное и расстрелять. Но найти его не удалось. Лемке с женой скрылись, и никто не знал куда. Позднее выяснилось, что они перебрались в Испанию, а оттуда отплыли в Аргентину. Один владелец ткацкой фабрики из Мюлуза встретил там Лемке на улице... Еще немного макарон?

- Охотно, только поподжаристей!

- Я не знаю, продолжал ли Лемке заниматься делами или просто путешествовал с женой для собственного удовольствия, но как-то раз они решили полететь в Бразилию. В горах их самолет

разбился. Экипаж и все пассажиры погибли. И вот, поскольку Лемке и его жена тоже стали жертвами этой катастрофы, все их состояние неожиданно-негаданно перешло к мадам Келлер. При обычных обстоятельствах все деньги должна была бы получить семья мужа... А ты знаешь, почему родным Лемке ничего не досталось и все перешло к племяннице его жены?

Мегрэ pokrивил душой: он ничего не сказал и только пожал плечами. На самом-то деле он уже давным-давно все понял.

- Оказывается, - продолжала госпожа Мегрэ, - если супруги пали жертвой несчастного случая и невозможно установить, кто из них умер первым, по закону считается, что жена пережила мужа, пусть даже на несколько секунд. Врачи утверждают, что мы, женщины, более живучи... Таким образом, сначала тетка стала наследницей своего мужа, а от нее все состояние перешло к племяннице... Уф!.. - Госпожа Мегрэ была явно довольна своим сообщением и даже немного гордилась собой. - Словом, в какой-то мере из-за того, что больничная сиделка в Страсбурге вышла за торговца металлическим ломом и некий самолет разбился в горах Южной Америки, доктор Келлер стал бродягой... Если бы его жена внезапно не разбогатела, если бы они продолжали жить на улице Соваж, если бы... Ты понимаешь, что я хочу сказать? Тебе не кажется, что он остался бы в Мюлузе?

- Возможно.

- Я знаю кое-что и о мадам Келлер. Но предупреждаю, может быть, это лишь сплетни, и сестра не ручается за достоверность этих сведений.

- Все-таки расскажи.

- Мадам Келлер - маленькая, энергичная и крайне беспокойная особа - обожает светскую жизнь и влиятельных людей. Когда муж ее уехал, она бросилась в омут веселья, по несколько раз на неделе устраивала званые обеды. Так она стала эгерией <По римской легенде, прорицательница и советчица царя Нумы.> префекта Бадэ, жена которого долго хворала и в конце концов умерла. Злые языки болтают, что мадам Келлер была любовницей префекта и что у нее были и другие любовники. Среди них называли имя одного генерала, но я забыла его фамилию... - Я видел мадам Келлер, - сказал комиссар. Если госпожа Мегрэ и была разочарована, то не показала виду.

- Ну и какая же она?

- Такая, как ты ее сейчас описала. Энергичная маленькая дама, нервная, выхоленная. Она выглядит моложе своих лет и обожает попугайчиков.

- Почему попугайчиков?

- Потому что ими забита вся квартира.

- Она живет в Париже?

- На острове Сен-Луи, в трехстах метрах от моста Мари, под которым ночевал ее муж. Кстати, доктор курил трубку.

В перерыве между макаронами и салатом Мегрэ вытащил из кармана шарик и катал его по скатерти.

- Что это такое?

- Стекланный шарик. У Тубиба их было три. Госпожа Мегрэ пристально посмотрела на мужа.

- Ты ему симпатизируешь, да?

- Мне кажется, я начинаю его понимать... - Ты понял, почему такой человек, как Келлер, стал бродягой?

- Более или менее. Он жил в Африке, единственный белый на врачебном пункте, удаленном от городов и больших дорог. Там его снова постигло разочарование.

- А почему?

Не легко было объяснить это госпоже Мегрэ, которая всегда вела размеренный образ жизни, обожала порядок и чистоту.

- И вот я все пытаюсь разгадать, - шутливо продолжал Мегрэ, - в чем доктор провинился? Жена нахмурилась.

- Что ты хочешь этим сказать? Ведь его оглушили и бросили в Сену, так?

- Он - жертва, это верно.

- Тогда почему же ты говоришь... - Криминалисты, в частности американские, выдвинули на этот счет теорию, и, по-видимому, она не столь парадоксальна, как представляется с первого взгляда.

- Какую теорию?

- Что из десяти преступлений по крайней мере восемь можно отнести к таким, когда жертва в значительной мере делит ответственность с убийцей.

- Не понимаю.

Мегрэ как замороженный смотрел на шарик.

- Представь себе жену и ревнивого мужа. Они поссорились... Мужчина упрекает женщину, а та держится вызывающе... - Случается... - Предположим, у него в руке нож и он ей говорит:

"Берегись, в следующий раз я убью тебя!"

- И так может быть... - Предположим теперь, что женщина бросает ему в лицо: "Ты не посмеешь, ты на это не способен!"

- Теперь я поняла... - Прекрасно. Так вот, во многих житейских драмах случается именно так. Вот ты сейчас рассказывала о Лемке. Он разбогател двояким путем: во-первых, давал деньги в рост, доводя клиентов до отчаяния, а во-вторых, торговал с немцами. Разве ты удивилась бы, узнав, что его убили?

- Но ведь доктор... - ...Как будто никому не причинил вреда. Он жил под мостами, пил прямо из бутылки красное вино и расхаживал по улице с рекламой на спине.

- Вот видишь!

- И тем не менее кто-то ночью спустился на берег и, воспользовавшись тем, что Тубиб спал, нанес ему удар по голове, который мог стать смертельным, а потом, дотавив тело до Сены, бросил в реку, откуда его чудом выловили речники. Вполне понятно, что этот "кто-то" действовал не без причины... Иначе говоря, сознательно или нет, но Тубиб дал кому-то повод расправиться с ним.

- Он все еще не пришел в себя?

- Пока нет.

- И ты надеешься что-нибудь вытянуть из него, когда он сможет говорить?

Мегрэ пожал плечами и стал молча набивать трубку. Немного позже они потушили свет и снова сели у раскрытого окна. Вечер был тихий и теплый. Разговор как-то не клеился... Когда на следующее утро Мегрэ пришел на службу, стояла такая же ясная и солнечная погода, как накануне. На деревьях зазеленели первые листочки, изящные и нежные.

Едва комиссар сел за письменный стол, как вошел Лапуэнт. Он был в превосходном настроении.

- Тут вас ждут двое молодчиков, шеф. Он просто сторал от нетерпения, и вид у него был такой же гордый, что и вчера у госпожи Мегрэ.

- Где они?

- В приемной.

- Кто такие?

- Владелец красной "Пежо-403" с другом, который в понедельник вечером сопровождал его. Впрочем, моя заслуга в этом деле невелика. Как ни странно, но в Париже не так уж много красных

"Пежо-403" и лишь на трех из них номерной знак с двумя девятками. Одна из машин уже неделю в ремонте, вторая сейчас вместе с владельцем находится в Канне.

- Ты допросил этих людей?

- Задал им пока лишь пару вопросов. Мне хотелось, чтоб вы сами на них взглянули. Пригласить их к вам?

Лапуэнт вел себя как-то таинственно, словно он готовил Мегрэ сюрприз.

- Ладно.

Мегрэ ждал, сидя за столом, и, будто талисман, держал в кармане разноцветный шарик.

- Мосье Жан Гийо, - объявил инспектор, вводя первого из посетителей.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста, довольно изысканно одетый.

- Мосье Ардуэн, чертежник, - снова возвестил Лапуэнт.

Чертежник был высок ростом, худощав и на несколько лет моложе Гийо. Мегрэ сразу же заметил, что он заикается.

- Садитесь, господа. Как мне сообщили, один из вас - владелец красной машины марки "Пежо"? Жан Гийо не без гордости поднял руку.

- Это моя машина, - сказал он. - Я купил ее в начале зимы.

- Где вы живете, мосье Гийо?

- На улице Тюрен, недалеко от бульвара Тампль.

- Ваша профессия?

- Страховой агент.

Ему было явно не по себе. Еще бы! Ведь он оказался в Сыскной полиции и его допрашивает не кто иной, как сам комиссар. Но тем не менее он не казался испуганным и даже с любопытством оглядывал все вокруг, чтобы потом подробно рассказать о происшедшем приятелям.

- А вы, мосье Ардуэн?

- Я-я... жи-живу в-в т-том же доме.

- Этажом выше, - помог ему Гийо.

- Вы женаты?

- Хо-хо-холост.

- А я женат, у меня двое детей, мальчик и девочка, - не дожидаясь очереди, добавил Гийо.

Лапуэнт стоял у двери и загадочно улыбался. Казалось, эти двое - сидя на стульях, каждый со шляпой на коленях - исполняют какой-то странный дуэт.

- Вы друзья?

Они ответили одновременно, насколько это позволяло заикание Ардуэна.

- Близкие друзья... - Вы знали некоего Франсуа Келлера? Они удивленно переглянулись, словно услышали это имя впервые. Потом чертежник спросил:

- К-к-кто это?

- Он долгое время был врачом в Мюлузе.

- Да я сроду там не бывал! - воскликнул Гийо. - А он утверждает, будто со мной знаком?

- Что вы делали в понедельник вечером?

- Как я уже говорил вашему инспектору, я не знал, что это запрещено.

- Расскажите подробно, что вы делали в понедельник.

- Около восьми вечера, когда я возвратился домой после объезда клиентов - мой участок в западном предместье Парижа, - жена отозвала меня в уголок, чтоб не слышали дети, и сообщила, что Нестор... - Кто такой Нестор?

- Наша собака, огромный датский дог. Ему как раз исполнилось двенадцать лет. Он очень любил детей, ведь они, можно сказать, родились на его глазах. Когда дети были маленькими, Нестор ложился у их кроваток и даже меня едва подпускал к ним.

- Итак, ваша жена сообщила вам... Господин Гийо невозмутимо продолжал:

- Не знаю, держали ли вы когда-нибудь догов, но обычно они почему-то живут меньше, чем собаки других, пород. В последнее время стали поговаривать, будто доги подвержены всем человеческим болезням. Несколько недель назад Нестора разбил паралич, и я предложил отвезти его к ветеринару и усыпить, но жена не захотела. Когда я в понедельник возвратился домой, то мне сказали, что у собаки началась агония, и, чтобы дети не видели этой тяжелой картины, жена побежала за нашим другом Ардуэном, и он помог перенести Нестора к себе... Мегрэ посмотрел на Лапуэнта, тот подмигнул ему.

- Я сейчас же поднялся к Ардуэну, чтобы толком разузнать, что с собакой, - продолжал господин Гийо. - Бедняжка Нестор был безнадежен. Я позвонил нашему ветеринару. Мне ответили, что он в театре и вернется не раньше полуночи. Мы провели более двух часов возле околевашей собаки. Я сел на пол и положил ее голову к себе на колени.

Слушая рассказ господина Гийо, Ардуэн то и дело кивал головой, а потом даже попытался вставить слово:

- Он... он... - Нестор испустил дух в половине одиннадцатого, - прервал его страховой агент. - Я зашел домой предупредить жену. Пока она ходила в последний раз взглянуть на Нестора, я оставался в квартире вместе со спящими детьми. Помню, я что-то наспех съел, так как в тот день не успел пообедать. Признаюсь, чтоб немного приободриться, я выпил две рюмки коньяку, а когда жена вернулась, отнес бутылку к Ардуэну - он был взволнован не меньше моего.

В общем, маленькая драма переплелась с большой.

- Вот тогда-то мы и задумались, как быть с трупом собаки. Я где-то слышал, что существует специальное кладбище для собак, но место там, наверно, стоит дорого, и, кроме того, я не мог потратить на эту церемонию целый рабочий день. Жена тоже была занята.

- Короче говоря... - прервал его Мегрэ.

- Короче говоря... - Гийо запнулся, потеряв нить повествования.

- М-мы... мы... мы... - снова вмешался Ардуэн.

- Нам не хотелось бросить Нестора где-нибудь на пустыре... Вы представляете себе дога? Когда собака лежала на полу в столовой Ардуэна, она казалась еще больше и внушительнее. Короче говоря... Господин Гийо словно обрадовался, найдя оборванную было нить рассказа.

- Короче говоря, мы решили бросить пса в Сену. Я взял мешок из-под картошки, но он оказался мал - не умещались лапы... Мы с трудом снесли труп по лестнице и засунули его в багажник машины.

- В котором часу?

- Было десять минут двенадцатого.

- Откуда вам известно, что было именно десять минут двенадцатого?

- Консьержка еще не спала. Она увидела нас, когда мы спускались по лестнице, и спросила, что случилось. Я ей все объяснил. Дверь в швейцарскую была открыта, и я машинально взглянул на часы: они показывали десять минут двенадцатого.

- Вы сказали консьержке, что собираетесь бросить собаку в Сену? Вы сразу же поехали к мосту на набережной Селестэн?

- Да, так было ближе всего... - Чтобы добраться туда, вам потребовалось лишь несколько минут, не больше... Полагаю, вы не останавливались в пути?

- Когда ехали к Сене? Нет... Мы выбрали кратчайший путь и затратили на него минут пять... Вначале я не решался спуститься по откосу на машине, но так как на берегу не было ни одной живой души - все-таки рискнул.

- В половине двенадцатого?

- Ни в коем случае! Сейчас вы поймете почему. Мы с Ардуэном подняли мешок и, раскачав, бросили в воду.

- И по-прежнему никого не видели?

- Нет... - Но ведь поблизости стояла баржа?

- Совершенно верно. Мы даже заметили внутри свет.

- А человека на палубе?

- Нет... - Значит, до моста Мари вы не доехали?

- Нам незачем было ехать дальше. Мы бросили Нестора в воду близ того места, где стояла машина... Ардуэн все время согласно кивал головой. Иногда он открывал рот, тщетно пытаясь что-то добавить, но тут же вынужден был смириться и промолчать.

- Ну, а потом?

- А потом мы уехали. Очутившись... - Вы хотите сказать, на набережной Селестэн?

- Да. Мне стало как-то не по себе, и я вспомнил, что в бутылке не осталось ни капли коньяку... Н-да, вечер выдался на редкость тяжелый... ведь Нестор был все равно что член нашей семьи... На улице Тюрен я предложил Люсьену выпить по стаканчику вина, и мы остановились перед кафе на углу улицы Фран-Буржуа, совсем рядом с площадью Вогезов.

- Опять пили коньяк?

- Да... В кафе на стене висели часы, и я невзначай взглянул на них. Хозяин предупредил меня, что они минут на пять спешат. Было без двадцати двенадцать.

И Гийо снова с сокрушенным видом повторил:

- Клянусь, я не знал, что это запрещено. Войдите в мое положение. Я ведь поступил так только из-за детей: хотел избавить их от грустного зрелища... Дети еще не знают, что Нестор умер, мы им сказали, что он убежал, что, может быть, его еще найдут... Мегрэ, сам не зная почему, вынул из кармана стеклянный шарик и принялся вертеть его между пальцами.

- Полагаю, вы сказали мне правду?

- А зачем мне лгать? Если нужно уплатить штраф, я... - В котором часу вы возвратились домой? Мужчины смущенно переглянулись. Ардуэн раскрыл было рот, но господин Гийо перебил его:

- Поздно, около часа.

- Разве кафе на улице Тюрен было открыто до часа ночи?

Мегрэ хорошо знал этот квартал. Там все закрывалось в полночь, если не раньше.

- Нет, кафе закрылось... и мы пропустили по последней рюмке на площади Республики.

- Вы были пьяны?

- Вы же знаете, как это бывает? Выпьешь стаканчик, чтобы успокоиться... Потом второй... - Вы снова проехали по набережной? Гийо недоуменно посмотрел на товарища, как бы прося подтвердить его показания.

- Конечно, нет, нам нечего было там делать. Мегрэ обратился к Лапуэнту:

- Проводи господ в соседнюю комнату и запиши показания. Благодарю вас, мосье. Нет надобности разьяснять вам, что все вами сказанное будет проверено.

- Клянусь, я говорил только правду.

- Я-я-я... т-тоже.

Это походило на фарс. Мегрэ остался в кабинете один. Стоя у открытого окна, он машинально вертел стеклянный шарик и задумчиво смотрел на Сену, бегущую за деревьями, на проходившие

мимо суда, на светлые пятна женских платьев на мосту Сен-Мишель. Потом сел за письменный стол и позвонил в больницу.

- Соедините меня со старшей сестрой хирургического отделения.

Теперь, когда старшая сестра воочию убедилась, что Мегрэ беседовал с самим профессором, и даже получила от того соответствующие указания, она стала воплощением любезности.

- Я как раз собиралась вам звонить, господин комиссар. Профессор Маньен только что осмотрел больного. Он находит, что больному гораздо лучше, и надеется, что удастся избежать осложнений. Это поистине чудо... - Больной пришел в сознание?

- Не совсем, но иногда он смотрит на окружающее вполне осмысленно. Пока трудно сказать, отдает ли он себе отчет в случившемся... - Лицо у него все еще забинтовано?

- Уже нет.

- Вы думаете, сегодня он окончательно придет в себя?

- Это может произойти с минуты на минуту. Вы хотите, чтобы я известила вас, как только он заговорит?

- Не стоит... Я сам зайду в больницу... - Сейчас?

- Да, сейчас.

Мегрэ не терпелось познакомиться с человеком, которого он видел только с забинтованной головой. Комиссар прошел через комнату инспекторов, где Лапуэнт в это время печатал на машинке показания страхового агента и его приятеля-заики.

- Я ухожу в больницу. Когда вернусь, не знаю... Сунув в рот трубку и заложив руки за спину, Мегрэ неторопливо, словно направляясь в гости, пошел в больницу, которая находилась почти рядом, в двух шагах от Дворца Правосудия. В голове мелькали какие-то бессвязные мысли.

Войдя в приемную, он увидел толстуху Леа. На ней была та же розовая кофта. С раздосадованным лицом она отошла от регистраторши и, заметив комиссара, бросилась к нему.

- Вы только представьте, господин комиссар, мне не позволяют повидать его и даже не говорят, как он себя чувствует! Чуть не позвали ажана, чтобы он выставил меня за дверь. Ну, а вы что-нибудь о нем знаете?

- Мне только что сообщили, что ему гораздо лучше.

- Есть надежда, что он поправится?

- Весьма вероятно.

- Он очень страдает?

- Вряд ли. Ему, наверно, делают уколы.

- Вчера какие-то в штатском приходили за его вещами. Это ваши люди?

Мегрэ кивнул и, улыбнувшись, добавил:

- Не беспокойтесь, ему все вернут.

- Вы еще не знаете, кто мог это сделать?

- А вы?

- Я?... Вот уже пятнадцать лет, как я живу на набережной, и за все это время первый раз вижу, чтоб напали на бродягу... Ведь мы безобидные люди. Вы-то это знаете лучше, чем кто другой.

Слово, как видно, понравилось ей, и она повторила:

- Безобидные... У нас никогда не бывает даже драк. Каждый волен поступать, как ему хочется. А если не дорожить свободой, для чего же тогда спать под мостами?..

Присмотревшись, Мегрэ заметил, что глаза у нее покраснели, а лицо приобрело багровый оттенок, которого не было накануне.

- Вы сегодня пили?

- Чтоб заморить червяка.

- А что говорят ваши товарищи?
 - Ничего не говорят... Когда насмотришься всякого, неохота судачить.
- Видя, что Мегрэ направляется к лестнице, Леа спросила:
- Можно мне подождать вас, чтоб узнать новости?
 - Я, возможно, задержусь.
 - Не страшно. Не все ли равно, где болтаться?

К толстухе возвратилось хорошее настроение. На лице промелькнула по-детски наивная улыбка.

- А сигареты у вас не найдется?

Мегрэ показал на трубку.

- Тогда щепотку табаку... Если нечего курить, я жую табак.

Мегрэ поднялся в лифте вместе с больным, лежащим на носилках, и двумя сестрами. На четвертом этаже он столкнулся со старшей сестрой, как раз выходящей из палаты.

- Вы же знаете, где лежит Келлер... Я скоро приду: вызывают в операционную... Как и накануне, больные устали на Мегрэ. Очевидно, его узнали. Держа шляпу в руке, комиссар направился к койке доктора Келлера и увидел наконец его лицо, кое-где заклеенное пластырем.

Вчера Келлера побрили, и теперь он мало походил на свою фотографию. Лицо - землистое, с заострившимися чертами. Губы - тонкие, бледные. Мегрэ невольно вздрогнул, внезапно встретившись со взглядом больного.

Вне всякого сомнения, Тубиб смотрел именно на него, и это был взгляд человека, находящегося в полном сознании.

Мегрэ чувствовал: необходимо что-то сказать, а что сказать - он не знал. Возле кровати стоял стул, и он опустил на него.

- Вам лучше? - наконец спросил он, понизив голос. Мегрэ был уверен, что слова эти вовсе не потонули в тумане, что они были восприняты и поняты. Но глаза, по-прежнему устремленные на Мегрэ, выражали полное безразличие.

- Вы меня слышите, доктор Келлер?

Так начался длительный и малоуспешный поединок.

Глава 5

Мегрэ редко говорил с женой о делах, которые вел. Впрочем, он почти никогда не обсуждал их даже со своими ближайшими помощниками и ограничивался только тем, что давал им указания. Таков уж был метод его работы: самому добраться до сути, постепенно вникая в жизнь людей, о существовании которых он еще накануне не подозревал.

"Что вы думаете об этом, Мегрэ?" - зачастую спрашивал его судебный следователь после выезда на место происшествия или же по ходу выяснения фактов.

Ответ был всегда один:

"Ничего не думаю, господин следователь".

А однажды кто-то заметил:

"Не думает, а вникает".

В известной степени это было действительно так, ибо комиссар придавал слишком большое значение каждому высказанному слову и поэтому предпочитал помалкивать.

Но на сей раз все получилось иначе, во всяком случае, в отношении госпожи Мегрэ - возможно, потому, что благодаря сестре, жившей в Мюлузе, она существенно помогла мужу.

Усаживаясь за обеденный стол, Мегрэ сообщил жене:

- Сегодня я познакомился с Келлером... Госпожа Мегрэ была поражена. И не только тому, что он сам заговорил о Келлере. Ее поразило прежде всего веселый тон мужа. Может быть, "веселый" и не то слово, но как бы то ни было, выражение глаз и бодрый тон комиссара свидетельствовали об отличном настроении.

Газеты на этот раз не докучали Мегрэ, а помощник прокурора и судья оставили его в покое... Что им до какого-то бродяги, которого пристукнули под мостом, потом бросили в Сену, но он чудом спасся, а теперь профессор Маньен не перестает удивляться его живучести! Хм... ну и что?

Короче говоря, налицо такое странное преступление, где не было ни жертвы, ни убийцы и вообще никто не беспокоился о Тубибе, если не считать толстой Леа да еще двух-трех бродяг.

И тем не менее Мегрэ отдавал этому расследованию столько времени, словно речь шла о драме, взволновавшей всю Францию.

- Он пришел в сознание? - спросила госпожа Мегрэ, стараясь скрыть острое любопытство.

- И да, и нет. Он не произнес ни звука... Только смотрел на меня... Но я убежден, что он все понял, о чем я ему говорил... Старшая сестра придерживается иного мнения: она считает, что сознание больного притуплено лекарствами и что он примерно в таком состоянии, в каком бывает боксер, приходящий в себя после нокаута... Мегрэ принялся за еду, глядя в окно и прислушиваясь к щебету птиц.

- Как ты думаешь, он знает, кто на него напал? Мегрэ вздохнул. Потом на лице его вдруг промелькнула насмешливая улыбка - улыбка, которую он, казалось, адресовал себе самому.

- Не могу сказать ничего определенного... Мне очень трудно передать свое впечатление... ..Редко в своей жизни он бывал так озадачен и вместе с тем так заинтересован расследованием дела.

Кстати говоря, сама встреча происходила в крайне неблагоприятной обстановке - прямо в палате, где примерно десять больных лежали на койках, а другие сидели или стояли у окна. Некоторым было очень плохо. Все время раздавались звонки, по палате взад и вперед сновала медицинская сестра, наклоняясь то над одним, то над другим.

Почти все больные с нескрываемым любопытством разглядывали комиссара, сидевшего подле Келлера, и прислушивались к его словам.

К двери то и дело подходила старшая сестра и укоризненно, с обеспокоенным видом поглядывала на них обоих.

- Пожалуйста, не задерживайтесь в палате, - просила она Мегрэ. - Его нельзя утомлять... Комиссар, наклонившись к больному, говорил тихо, чуть ли не шепотом:

- Вы слышите меня, мосье Келлер? Вы помните, что с вами случилось в понедельник вечером, когда вы спали под мостом Мари?

Лицо пострадавшего казалось совершенно бесстрастным, но Мегрэ интересовали только глаза. В них не отражалось ни тревоги, ни тоски. Глаза были серые, поблекшие, какие-то изношенные, много повидавшие на своем веку.

- Вы спали, когда на вас было совершено нападение?

Тубиб не отрывал взгляда от Мегрэ. И странное дело: казалось, не Мегрэ изучает Келлера, а Келлер изучает его.

Это настолько стесняло комиссара, что он счел необходимым представиться:

- Меня зовут Мегрэ. Я руковожу бригадой Сыскной полиции и пытаюсь выяснить, что с вами произошло... Я видел вашу жену, вашу дочь, речников, которые вытащили вас из Сены... При упоминании о жене и дочери Тубиб даже не вздрогнул, но можно было поклясться, что в эту минуту в глазах его промелькнула легкая ирония.

- Вам трудно говорить?

Он даже и не пытался ответить ему хотя бы кивком головы или движением ресниц.

- Вы понимаете, что вам говорят?

Ясное дело! Мегрэ был убежден, что не ошибся. Келлер не только понимал смысл слов, но и прекрасно разобрался в интонации.

- Быть может, вас стесняет, что я задаю вам вопросы в присутствии других больных?... - И тут же, чтобы расположить к себе бродягу, он добавил:

- Я бы с радостью положил вас в отдельную палату. Но это, к сожалению, связано со сложными формальностями. Мы не можем оплатить это из нашего бюджета.

Как ни странно, но будь доктор не жертвой, а убийцей или подозреваемым лицом, все обстояло бы куда проще. Ведь для жертвы - увы! - по смете ничего не предусмотрено.

- Я буду вынужден вызвать сюда вашу жену: необходимо, чтобы она вас официально опознала... Эта встреча будет вам неприятна?

Губы больного слегка шевельнулись, но он не произнес ни звука. На лице - ни гримасы, ни улыбки.

- Как вы чувствуете себя? Могу ли я вызвать ее сегодня, сейчас же?

Больной промолчал, и Мегрэ, воспользовавшись этим, решил немножко передохнуть. Ему было жарко. Он задыхался в палате, насквозь пропитанной больничными запахами.

- Можно от вас позвонить? - спросил он у старшей сестры.

- Вы еще долго собираетесь его мучить?

- Его должна опознать жена... На это уйдет всего несколько минут.

Жена Келлера была дома и обещала по телефону тотчас же приехать. Мегрэ распорядился, чтобы ее пропустили внизу, и стал расхаживать по коридору. Вскоре к нему подошел профессор Маньен.

Они остановились у окна, выходящего во двор.

- Вы тоже считаете, что он окончательно пришел в себя? - спросил Мегрэ.

- Вполне возможно... Я только что осматривал его, и мне думается, он понимает все, что происходит вокруг... Но, как врач, я не могу еще дать точного ответа. Иные полагают, что мы не можем ошибаться и должны на все давать определенный ответ. А ведь на самом деле чаще всего мы продвигаемся ощупью... Я попросил невропатолога осмотреть его сегодня... - Нельзя ли перевести его в отдельную палату? Это очень трудно?

- Не только трудно, но просто невозможно. Больница переполнена. В некоторых отделениях приходится ставить койки в коридорах. Разве что перевести его в частную клинику... - Если об этом попросит его жена?

- А вы думаете, он согласится?

Это было маловероятно. Если Келлер решил уйти из дома и скитаться под мостами, то, уж конечно, не для того, чтобы теперь, после покушения на него, перейти на иждивение жены... Выйдя из лифта, госпожа Келлер озадаченно озиралась по сторонам. Мегрэ направился к ней.

- Ну, как он?

Госпожа Келлер не казалась ни встревоженной, ни взволнованной - просто чувствовала себя не в своей тарелке. Ей явно не терпелось поскорее вернуться домой, на остров Сен-Луи, к своим попугаям.

- Он абсолютно спокоен.

- Пришел в сознание?

- Полагаю, что да, хотя доказательств пока еще нет.

- Мне придется говорить с ним?

Мегрэ пропустил ее вперед. Пока она шла по сверкающему паркету, все больные провожали ее взглядом. А госпожа Келлер искала глазами мужа, потом решительно направилась к пятой койке и остановилась в двух шагах от больного, словно еще не решив, как держаться.

Келлер смотрел на нее все тем же безразличным взглядом. Одетая она была очень изящно - в бежевом костюме из легкой шерстяной ткани и элегантной шляпе. Тонкий аромат ее духов смешивался с запахами палаты.

- Вы его узнаете?

- Да, это он... Очень изменился, но это он... Снова наступило тягостное молчание. Наконец, собравшись с духом, она решила подойти поближе. Не снимая перчаток и нервно теребя замок сумки, она заговорила:

- Это я, Франсуа... Я всегда знала, что рано или поздно встречу тебя в подобном виде... Но, говорят, ты скоро поправишься... Мне хотелось бы тебе помочь... О чем думал Тубиб, глядя на нее отрешенным взглядом? Вот уже семнадцать или восемнадцать лет он жил в другом мире. И теперь, словно вынырнув из бездны, вновь столкнулся с прошлым, от которого сам некогда бежал.

На лице больного не отражалось ни малейшего волнения. Спокойно он смотрел на женщину, которая когда-то была его женой, потом слегка повернул голову, чтобы удостовериться, что Мегрэ еще не ушел... Дойдя до этого места в своем рассказе, Мегрэ заметил:

- Я мог бы поклясться, что он просил меня положить конец этой очной ставке.

- Ты рассказываешь о нем так, будто давно его знаешь... А разве нет? Мегрэ никогда раньше не встречал Франсуа Келлера, но за долгие годы работы сколько подобных людей раскрывали перед ним душу в тиши его кабинета! Конечно, точно такого случая у него не было, но человеческие проблемы оставались теми же.

- Мадам Келлер не выразила ни малейшего желания побыть возле больного, - продолжал Мегрэ. - Уходя из палаты, она хотела было раскрыть сумку и достать деньги, но, к счастью, этого не сделала... В коридоре она спросила у меня: "Вы считаете, что он ни в чем не нуждается?" Я ответил, что у него все есть, но она не успокоилась: "Может, оставить для него некоторую сумму у директора больницы?... Франсуа наверняка чувствовал бы себя лучше в отдельной палате..." - "Сейчас нет свободных палат". Она все не уходила. "Что еще от меня требуется?" - "В настоящую минуту - ничего. Я пришлю к вам инспектора, и вы подпишете бумагу, удостоверяющую, что это действительно ваш муж..." - "А зачем, раз это он и есть?" Наконец она ушла... Позавтракав, супруги засиделись за чашкой кофе. Мегрэ раскурил трубку.

- Потом ты вернулся в палату?

- Да. Несмотря на укоризненные взгляды старшей сестры... - Тубиб по-прежнему молчал?

- Да... Говорил я один - и очень тихо: около соседа по койке хлопотал студент-медик.

- Что же ты ему сказал?

Для госпожи Мегрэ этот разговор за кофе таил в себе неизъяснимую прелесть, ибо муж, как правило, ничего не рассказывал о своих делах. Обычно он звонил ей по телефону, говорил, что не придет к завтраку или к обеду, а иногда даже - что проведет ночь у себя в кабинете или же в другом месте, и она узнавала подробности только из газет.

- Я уж не помню, что ему сказал... - смущенно улыбнулся Мегрэ. - Мне хотелось завоевать его доверие... Я говорил ему о Леа, поджидавшей меня на улице, о его вещах, которые лежат в надежном месте, о том, что он получит их, когда выйдет из больницы... Мне показалось, что это было ему приятно. Я еще сказал, что если не хочет, он может больше не встречаться с женой, что она предложила оплатить ему отдельную палату, но сейчас свободных палат нет... Наверное, со стороны это выглядело так, будто я читаю молитву. "Вас можно было бы поместить в частную клинику, но я подумал, что вы предпочтете остаться здесь", - сказал я ему.

- А он по-прежнему молчал?

- Я знаю, что это глупо, - несколько смущенно промолвил Мегрэ, - но я уверен, что Келлер одобрял мои действия. Должно быть, мы отлично понимали друг друга... Я попробовал снова заговорить о покушении. "Это произошло, когда вы спали?" - спросил я. - Все это напоминало игру в кошки-мышки. Я убежден, что он просто-напросто решил ничего не говорить. А человек, который способен столько лет прожить под мостами, способен и хранить молчание.

- Почему же он молчит?

- Не знаю.

- Может, хочет кого-нибудь выгородить?

- Не исключено.

- Кого же?

Мегрэ встал и пожал широкими плечами.

- Если бы я знал, то был бы господом богом... Мне хочется ответить тебе словами профессора Маньена:

"Я не умею творить чудеса".

- В общем, ты так ничего и не узнал?

- В общем, да... Впрочем, Мегрэ покривил душой. У него почему-то сложилось прочное убеждение, будто он уже многое знает о Келлере. И хотя они по-настоящему еще не были знакомы, между ними уже установился некий таинственный контакт.

- В какую-то минуту... Он помедлил, словно боясь, что его обвинят в ребячестве. Но что поделаешь: должен же он выговориться!

- В какую-то минуту я вынул из кармана шарик... По правде говоря, я сделал это неумышленно: он просто оказался у меня в руке, и я решил положить его Тубибу на ладонь... Вид у меня, конечно, был весьма нелепый... А он - лишь прикоснулся к шарик - сразу его узнал. Что бы там ни говорила медсестра, я уверен, что лицо его просветлело и в глазах загорелись радостные, лукавые огоньки... - И все же он не раскрыл рта?

- Это совсем другое дело... Ясно как божий день, что он мне не поможет... Он, по всей вероятности, твердо решил молчать, и мне придется доискиваться до сути одному... Неужели именно это обстоятельство так взволновало Мегрэ? Жена почти не помнила случая, чтобы он с таким воодушевлением, с таким увлечением расследовал какое-нибудь дело.

- Внизу меня поджидала Леа, жуя табак, который я ей дал. Я высыпал ей на руку все содержимое своего кисета.

- Ты думаешь, она что-нибудь знает?

- Если бы она знала, то рассказала бы. У таких людей чувство солидарности развито гораздо сильнее, чем у тех, кто спит под крышей... Я уверен, что они расспрашивают друг друга и параллельно со мной ведут свое маленькое следствие... Она сообщила мне один любопытный факт, который может прояснить ситуацию: оказывается, Келлер не всегда жил под мостом Мари. Он, если можно так выразиться, поселился в этом квартале всего два года назад.

- Где же он жил раньше?

- Тоже на берегу Сены, но выше по течению, на набережной Рапэ, под мостом Берси.

- И часто они меняют место жительства?

- Нет. Это для них так же сложно, как нам поменять квартиру. Каждый привыкает к своей норе и дорожит ею.

Он налил себе рюмку сливянки и выпил - для бодрости духа и в награду за рассказ. Потом взял шляпу и поцеловал жену.

- До вечера!

- Ты вернешься к обеду?

Этого он и сам не знал. Собственно говоря, Мегрэ даже не представлял себе, за что ему теперь взяться.

Торанс с утра проверял показания страхового агента и его друга-заики. Он, очевидно, уже допросил консьержку с улицы Тюрен и виноторговца, имевшего лавку на углу улицы Фран-Буржуа.

Скоро станет известно: правдива ли история с собакой или придумана для отвода глаз. Впрочем, если даже все и подтвердится, это вовсе еще не значит, что двое друзей не могли напасть на Тубиба.

Но с какой целью? На этот вопрос комиссар пока не мог ответить.

Ну, а зачем, скажем, госпоже Келлер топить мужа в Сене? И кому она могла это поручить?

Как-то раз при столь же таинственных обстоятельствах был убит один чудаковатый бедняк. Тогда Мегрэ сказал судебному следователю:

"Бедняков не убивают..."

Бродяг тоже не убивают. И все-таки кто-то попытался же избавиться от Франсуа Келлера.

Мегрэ стоял на площадке автобуса и рассеянно слушал перешептывание двух влюбленных. И вдруг его осенило, вспомнилась фраза: "Бедняков не убивают..." Да, да, бедняков не убивают... Войдя в свой кабинет, он сразу же позвонил госпоже Келлер. Ее не оказалось дома. Служанка сказала, что мадам завтракает с подругой в ресторане, но в каком - она не знает.

Тогда он позвонил Жаклин Руслэ.

- Значит, вы виделись с мамой... Она звонила мне вчера после вашего визита. Сегодня она тоже разговаривала со мной примерно с час назад... Итак, это действительно мой отец?

- В этом нет ни малейшего сомнения.

- И вы по-прежнему не знаете, из-за чего на него напали?... Может быть, это произошло во время драки?

- А разве ваш отец любитель драк?

- Ну что вы, он был самый тихий человек на свете! Во всяком случае, тогда, когда мы жили вместе. Мне думается, если бы даже его ударили, он не дал бы сдачи.

- Скажите, вы в курсе дел вашей матери?

- Каких дел?

- Когда ваша мать выходила замуж, у нее ведь не было состояния и, вероятно, она не надеялась когда-либо разбогатеть... Как и ваш отец... Поэтому меня интересует, был ли у них составлен брачный контракт. Если нет, значит, все их имущество считается общим, и, следовательно, ваш отец мог бы предъявить права на половину состояния.

- О нет, об этом не может быть и речи, - не колеблясь, заявила госпожа Руслэ.

- Вы уверены?

- Мама вам это подтвердит. Когда я выходила замуж, такой вопрос возник у нотариуса. Оказалось, мои родители оговорили раздельное пользование имуществом... - Могу ли я спросить имя вашего нотариуса?

- Мосье Прижан, улица Бассано.

- Благодарю вас.

- Вы не хотите, чтобы я сходила в больницу?

- А вы сами?

- Я не уверена, что это доставит ему удовольствие. Маме он ничего не сказал. Кажется, даже сделал вид, будто не узнал ее... - Что ж! Быть может, и в самом деле лучше вам не ходить... Мегрэ хотелось как-то убедить себя в том, что он не бездействует, и поэтому он позвонил господину Прижану. Ему пришлось долго уламывать нотариуса, убеждать его и даже припугнуть бумагой, подписанной следователем, так как тот настаивал на святости профессиональной тайны.

- Я прошу вас сообщить мне только одно: были ли в брачном контракте мосье и мадам Келлер из Мюлуза оговорены условия раздельного пользования имуществом и у вас ли их брачный договор?

После затянувшейся паузы на другом конце провода послышалось сухое "да", и трубку повесили.

Выходило, что Франсуа Келлер был действительно бедняк, не имевший никакого права на состояние, нажитое торговцем металлоломом и впоследствии доставшееся его жене.

Дежурная на коммутаторе крайне удивилась, когда комиссар попросил:

- Дайте мне Сюренский шлюз!

- Шлюз?

- Да, шлюз. Разве там нет телефона?

- Есть. Соединяю.

В трубке раздался голос смотрителя шлюза. Комиссар назвал себя.

- Я полагаю, вы отмечаете, какие суда проходят из одного бьефа в другой? Мне хотелось бы знать, где сейчас может находиться самоходная баржа, которая должна была пройти через ваш шлюз вчера, к ночи. У нее фламандское название "Зваарте Зваан"... - Знаю, знаю!.. Два брата, маленькая блондиночка и младенец. Они последними прибыли к шлюзу и ночью прошли в нижний бьеф.

- Вы не могли бы сказать, где они сейчас?

- Минутку!.. У них мощный дизель, да и течение здесь довольно сильное... Мегрэ ждал, пока его собеседник что-то подсчитывал, бормоча под нос названия городов и деревень.

- Если я не ошибаюсь, они прошли уже километров сто и, стало быть, достигли Жюзье. Во всяком случае, они наверняка миновали Пуасси. Все зависит от того, сколько времени баржа простояла у Буживальского и Карьерско-го шлюзов... Через несколько минут комиссар вошел в кабинет инспекторов:

- Кто из вас хорошо знает Сену?

- Вверх или вниз по течению?

- Вниз... Возле Пуасси, а может быть, и ниже... - Я! - отозвался один из инспекторов. - У меня есть додка, и я каждый год во время отпуска спускаюсь на ней до Гаара. Лучше всего я знаю окрестности Пуасси, потому что оставляю там лодку.

Мегрэ и не подозревал, что инспектор Невэ, серенький, тщедушный горожанин, занимается спортом.

- Возьмите во дворе машину. Вы поедете со мной.

Однако Мегрэ пришлось ненадолго задержаться. Пришел Тора и сообщил результаты произведенного им дознания.

- Собака действительно околела в понедельник вечером, - подтвердил он. - Мадам Гийо все еще плачет, говоря об этом. Мужчины положили труп собаки в багажник и увезли, чтобы бросить в Сену... Их видели з кафе на улице Тюрен. Они заходили туда незадолго до закрытия.

- В котором часу?

- Немного позже половины двенадцатого. Кое-кто из посетителей задержался за игрой в белот <Белот - вид карточной игры.>, и хозяин ждал, когда они кончат, чтобы опустить жалюзи. Мадам Гийо смущенно подтвердила, что муж вернулся поздно я был изрядно навеселе. В котором часу - она не знает, так как уже спала... При этом она заверила меня, что это не в его привычках, что всему виной пережитое волнение.

Наконец, комиссар и Невэ уселись в машину и помчались по лабиринту улиц к Аньерской заставе.

- По берегу Сены на машине не проедешь, - заметил Невэ. - Вы уверены, что баржа миновала Пуасси?

- Так считает смотритель шлюза.

Теперь на дороге стали попадаться открытые машины. Некоторые водители, обняв за плечи своих спутниц, вели машину одной рукой. В садиках люди сажали цветы. Какая-то женщина в голубом платье кормила кур.

Прикрыв глаза, Мегрэ дремал. Казалось, его не интересует ничего на свете. Всякий раз, как показывалась Сена, Невэ называл, что это за место.

Взех и вниз по течению мирно скользили суда. Вот на палубе какая-то женщина стирает белье. Вот другая стоит за рулем, а у ног ее примостился малыш трех-четырёх лет.

В Мелане, где стояло несколько барж, Невэ притормозил машину.

- Как вы ее назвали, шеф?

- "Зваарте Зваан". Это означает "Черный Лебедь". Невэ вышел из машины, пересек набережную и вступил в разговор с речниками. Мегрэ издали видел, как они оживленно жестикулируют.

- Баржа прошла здесь с полчаса назад, - сказал Невэ, снова садясь за баранку. - Они делают по десять километров в час, а то и больше, так что сейчас они где-нибудь неподалеку от Жюзье... И действительно, за Жюзье, у островка Монталэ, показалась бельгийская баржа, шедшая вниз по течению.

Они обогнали ее на несколько сот метров, и Мегрэ, выйдя из машины, подошел к берегу. Не боясь показаться смешным, он принялся размахивать руками.

У штурвала, с сигаретой в зубах, стоял младший из братьев, Хуберт. Узнав комиссара, он тотчас же наклонился над люком и сбавил скорость. Через минуту на палубе появился длинный и тощий Жеф ван Гут. Сначала показалась его голова, затем туловище и, наконец, вся его нескладная фигура.

- Мне нужно с вами поговорить! - крикнул комиссар, сложив ладони рупором.

Жеф знаками дал понять, что ничего не слышит из-за шума двигателя, Мегрэ попытался объяснить ему, что нужно остановиться.

Вокруг - типично сельский пейзаж. Примерно в километре от них виднелись красные и серые крыши, белые стены, бензоколонка, позолоченная вывеска гостиницы.

Хуберт ван Гут дал задний ход. Жена Жефа тоже выглянула из люка и, видимо, спросила у мужа, что случилось.

Братья действовали как-то странно. Со стороны можно было даже подумать, что они не понимают друг друга. Жеф, старший, указывал вдаль, на деревню, должно быть говоря брату, где нужно остановиться. А Хуберт, стоявший за рулем, уже подводил баржу к берегу.

Поняв, что ничего другого не остается, Жеф бросил чалку, и инспектор Невэ, как бывалый моряк, ловко подхватил ее. На берегу оказались кнехты для причала, и через несколько минут баржа остановилась.

- Что еще нужно от нас? - в ярости заорал Жеф. Между берегом и баржей еще оставалась узкая полоска воды, а он, видно, и не собирался спускать сходни.

- Вы считаете, что можно вот так взять да и остановить судно? - не унимался речник. - Этак и до аварии недалеко, ей-ей!

- Мне нужно с вами поговорить, - сказал Мегрэ.

- Вы говорили со мной в Париже, сколько вам было угодно. Ничего нового я вам не скажу... - В таком случае мне придется вызвать вас к себе.

- Что-что?.. Чтобы я вернулся в Париж, не выгрузив шифер?..

Хуберт, более покладистый, делал брату знаки, чтоб тот унялся. Затем он сбросил сходни, с ловкостью акробата прошел по ним и закрепил их на берегу.

- Не обижайтесь, мосье. Ведь он прав... Нельзя останавливать судно где попало... Мегрэ в замешательстве поднялся на борт, не зная толком, о чем их спрашивать. Кроме того, они находились в департаменте Сены-и-Уазы и, по закону, допрос фламандцев должна была вести версальская полиция.

- Долго вы будете нас держать?

- Не знаю... - Мы не собираемся тут торчать целую ночь. Иначе до захода солнца нам не добраться до Манта.

- В таком случае продолжайте путь!

- Вы поедете с нами?

- Отчего бы и нет?

- Ну, знаете, такого еще не бывало.

- Вот что, Невэ, садитесь в машину! Встретимся в Манте.

- Что ты на это скажешь, Хуберт?

- Ничего не поделаешь, Жеф! С полицией не стоит ссориться... Над палубой по-прежнему виднелась светловолосая головка молодой женщины, а снизу доносился лепет ребенка. Как и накануне, из каюты неслись аппетитные запахи.

Доску, служившую сходнями, убрали. Прежде чем сесть в машину, Невэ освободил чалку, и она упала в реку, взметнув целый сноп сверкающих брызг.

- Раз у вас есть вопросы, слушаю... Снова затарахтел двигатель, заплескалась вода, ударяясь о борт судна.

Мегрэ стоял на корме и медленно набивал трубку, размышляя, с чего же начать.

Глава 6

- Вчера вы мне сказали, что машина была красная, как?

- Да, мосье (он произносил "мосье" на манер шталмейстера, объявляющего программу в цирке). Такая же красная, как этот флаг.

Речник указал пальцем на черно-желто-красный бельгийский флаг, который развевался за кормой.

Хуберт стоял на руле; молодая женщина снова спустилась к ребенку. Что же до Жефа, то в нем, судя по лицу, боролись противоположные чувства. С одной стороны, фламандское гостеприимство требовало принять комиссара подобающим образом, как всякого гостя, и даже поднести ему стаканчик можжевельной, а с другой - он с трудом сдерживал раздражение из-за этой внезапной остановки на полном ходу. Больше того, он воспринимал предстоящий допрос как оскорбление.

Мегрэ чувствовал себя весьма неловко и все ломал голову, как бы половчее подойти к этому трудному собеседнику. Ему часто приходилось сталкиваться с простыми, малоразвитыми людьми,

которые считают, что другие только и ждут случая, чтобы воспользоваться их неосведомленностью. И такое предвзятое убеждение приводит к тому, что они либо становятся слишком развязными, либо замыкаются в упорном молчании.

Не впервые комиссару приходилось вести расследование на барже. Особенно ему запомнилась "конная" баржа, которую тянула вдоль каналов лошадь... На ночь ее забирали на борт вместе с возчиком.

Те давнишние суда были построены из дерева и приятно пахли дегтем, которым их время от времени смазывали. Внутреннее убранство рубки напоминало уютный загородный домик.

А на барже фламандца в открытую дверь видна была вполне современная городская обстановка: массивная дубовая мебель, ковры, вазы на вышитых скатерках, сверкающая медная посуда.

- Где вы находились в ту минуту, когда услышали шум на набережной? Помнится, вы чинили двигатель?

В светлых глазах Жефа, устремленных на комиссара, промелькнуло что-то похожее на замешательство. Видно было, что фламандец колеблется, не зная, какую позицию занять, и явно старается подавить гнев.

- Послушайте, мосье... Вчера утром вы были здесь, когда судья задавал мне вопросы. У вас тоже были вопросы... А тот маленький человечек, что приходил вместе с судьей, записал все на бумаге... Днем он заходил еще раз, чтобы я подписал бумагу. Верно?

- Да, вы правы... - И вот теперь вы приходите опять и спрашиваете у меня то же самое. Мне хочется вам сказать, что вы дурно поступаете... Если я не ошибаюсь, вы убеждены, что я все наврал... Я, мосье, человек неученый... Мне почти не пришлось ходить в школу. И Хуберту тоже... Но мы оба - труженики, да и Аннеке не бездельница.

- Я хочу только проверить... - Проверять-то нечего! До сих пор я чувствовал себя на барже так же спокойно, как вы у себя в квартире. И вдруг какого-то неизвестного мне человека бросают в воду... Я прыгаю в ялик, чтобы его спасти... Я не жду ни благодарности, ни денег... Но почему же за это донимать меня вопросами? Вот так я рассуждаю, мосье!

- Мы нашли тех двух мужчин, что приезжали на красной машине... Действительно ли Жеф изменился в лице или это только показалось Мегрэ?

- Ну и хорошо! Их бы и спрашивали... - Они утверждают, что вышли из машины не в полночь, а в половине двенадцатого... - Может быть, у них отстали часы?

- Мы проверили их показания... С набережной они отправились в кафе на улицу Тюрен и прибыли туда без двадцати двенадцать.

Жеф взглянул на брата, который стремительно обернулся к нему.

- Сойдемте лучше вниз, - предложил он Мегрэ. Довольно просторная каюта служила одновременно и кухней и столовой. В белой эмалированной кастрюле тушилось рагу. Аннеке, кормившая грудью ребенка, сразу прошла в спальню - в приоткрывшуюся дверь комиссар успел разглядеть покрытую стеганым одеялом кровать.

- Может, присядете?

Все еще колеблясь и действуя как бы против собственной воли, речник достал из буфета со стеклянными дверцами темный глиняный кувшин с можжевелевой водкой и два высоких стакана.

Сквозь оконный переплет виднелись деревья, растущие на берегу, иногда мимо проплывала красная крыша какой-нибудь виллы. Жеф со стаканом в руке долго и молча стоял посреди каюты, потом отхлебнул вина и, подержав его во рту, проглотил. Наконец он спросил:

- Он умер?

- Нет. Пришел в сознание.

- Что же он сказал?

Теперь настала очередь Мегрэ помедлить с ответом. Он рассматривал вышитые занавески на окнах, медные плетенки с цветочными горшками, фотографию толстого пожилого мужчины в свитере и морской фуражке, висевшую в золоченой рамке на стене.

Люди такого типа нередко встречаются на судах: коренастые, широкоплечие, с моржовыми усами.

- Это ваш отец?

- Нет, мосье. Это отец Аннеке.

- Ваш отец тоже был речником?

- Мой отец был грузчиком в Анвере. А это, сами понимаете, неподходящее занятие для доброго христианина, верно?

- Потому вы и стали речником?

- Я начал работать на баржах с тринадцати лет, и до сих пор никто на меня не жаловался... - Вчера вечером... Мегрэ рассчитывал расположить к себе собеседника вопросами, не имеющими прямого отношения к делу, но фламандец упрямо качал головой.

- Нет, мосье!.. Я не темню... Вам стоит только перечитать бумагу, которую я подписал... - А если я обнаружу, что ваши показания не точны?

- Тогда поступайте, как найдете нужным.

- Вы видели, как те двое на машине выехали из-под моста Мари?

- Прочтите, что я говорил... - Они уверяют, что не проезжали мимо вашей баржи.

- Каждый может болтать, что ему взбредет в голову, верно?

- Они еще утверждают, что на набережной не было ни души и, воспользовавшись этим, они бросили в Сену околевшую собаку.

- Я здесь ни при чем, если они называют это собакой... Аннеке вернулась, но теперь уже без ребенка, которого, вероятно, уложила спать. Что-то бросив мужу по-фламандски, на что он кивнул, она стала разливать суп.

Баржа замедлила ход. Сначала Мегрэ подумал, что они уже добрались до места, но, поглядев в окно, увидел буксир, а за ним - три баржи, тяжело поднимающиеся вверх по течению. Они проходили под мостом, - Судно принадлежит вам?

- Да, мне и Аннеке.

- Ваш брат совладелец?

- А что это такое?

- Это значит, что ему принадлежит определенная доля в имуществе.

- Нет, мосье, баржа принадлежит только мне и Аннеке.

- Значит, брат служит у вас?

- Да, мосье.

Мегрэ начал привыкать к его выговору, к его "мосье" и бесконечным "верно?". По глазам фламандки было видно, что она понимает лишь отдельные французские слова и пытается угадать, о чем говорят мужчины.

- И давно?

- Почти два года... - А где он работал раньше? На другом судне? Во Франции?

- Так же, как и я: то в Бельгии, то во Франции. Все зависит от грузов... - Почему вы взяли его к себе?

- Нужен же мне помощник, верно? Сами видите, баржа не маленькая... - А как же раньше?

- Что - раньше?

- Как же вы обходились без помощи брата? Мегрэ продвигался вперед очень медленно, на ощупь, подыскивая самые безобидные вопросы - и все это из опасения, как бы его собеседник снова не заартачился.

- Я вас не понимаю.

- У вас были другие помощники?

- Конечно... Прежде чем ответить, он покосился на жену, словно желая убедиться, что она ничего не поняла.

- Кто же это был?

Чтобы выгадать время и собраться с мыслями, Жеф опять наполнил стаканы.

- Я сам, - наконец заявил фламандец.

- Вы были матросом?

- Нет, механиком.

- А кто же был хозяином?

- Я не уверен, имеете ли вы право задавать мне подобные вопросы... Частная жизнь есть частная жизнь. К тому же, мосье, я бельгийский подданный... - Он начинал нервничать, и его акцент сказывался теперь сильнее. - Так не годится! Мои дела касаются меня одного, и если я фламандец, это еще не значит, что всякий может совать нос в мою корзину с яйцами.

Мегрэ не сразу понял последнюю фразу, но, поняв, с трудом подавил улыбку.

- Я могу опять явиться сюда - на сей раз с переводчиком - и допросить вашу жену.

- Я не позволю беспокоить Аннеке... - А придется... если я принесу вам бумагу, подписанную судьей! Вот только я думаю, не проще ли отвезти вас всех троих в Париж?

- А что тогда будет с баржей?.. Уверен, что у вас нет никакого права на это!

- Почему же тогда вы не отвечаете мне прямо? Ван Гут нагнул голову, глядя исподлобья на Мегрэ, будто школьник, готовящий какую-то каверзу.

- Потому что это мои личные дела.

До сих пор он был прав. У Мегрэ не было серьезных мотивов для подобного допроса. Он просто следовал своей интуиции. Его поразило поведение речника, когда он в Жюзые поднялся к нему на баржу.

Это был совсем не тот человек, что в Париже. Он был явно озадачен появлением комиссара и не сумел это скрыть. С этой минуты он держался настороженно, замкнуто, и в глазах его уже не было того насмешливого блеска, того своеобразного юмора, как на набережной Селестэн.

- Вероятно, вы хотите, чтоб я увез вас в Париж?

- Для этого нужно основание. Ведь существуют же законы!

- Основание - ваш отказ отвечать на самые обычные вопросы.

По-прежнему тархтел двигатель, снизу были видны длинные ноги Хуберта, стоявшего за рулем.

- А все потому, что вы пытаетесь меня запутать.

- И не собираюсь... Просто хочу установить истину.

- Какую истину?

Видно было, что Жеф, расхаживавший по каюте, то проникался уверенностью в своем неоспоримом праве, то, наоборот, казался явно встревоженным.

- Когда вы купили эту баржу?

- Я ее не покупал.

- Однако она принадлежит вам?

- Да, мосье, она принадлежит мне и моей жене.

- Иначе говоря, вы стали ее хозяином, женившись на Аннеке? А раньше баржа тоже принадлежала ей?

- Что ж тут особенного? Мы поженились по всем правилам, в присутствии бургомистра и юре... - До того времени владельцем "Зваарте Зваане" был ваш тесть?

- Да, мосье, старый Виллемс.

- Других детей у него не было?

- Нет, мосье... - А что случилось с его женой?

- Она умерла за год до нашей женитьбы.

- В то время вы уже работали на барже?

- Да, мосье... - И давно?

- Виллемс нанял меня, как раз когда умерла его жена... Это было в Оденарде... - Раньше вы работали на другом судне?

- Да, мосье. Оно называлось "Дрие Гебрудерс".

- Почему же вы ушли оттуда?

- Потому что "Дрие Гебрудерс" - старая баржа, она почти никогда не ходила во Францию и перевозила только уголь.

- А вам не нравилось возить уголь?

- Да, грязная работа... - Значит, вы пришли на эту баржу около трех лет назад. Сколько же лет было тогда Аннеке?

Услышав свое имя, Аннеке с любопытством посмотрела на собеседников.

- Восемнадцать.

- И незадолго до этого умерла ее мать?

- Да, мосье... В Оденарде, я вам уже сказал... Он прислушался к шуму мотора, посмотрел на берег, подошел к брату и что-то ему сказал. Хуберт приглушил двигатель: баржа подходила к железнодорожному мосту.

Комиссар терпеливо распутывал клубок, стараясь не порвать тоненькую нить.

- Значит, раньше они обходились на барже своими силами, - сказал Мегрэ. - Но вот умерла мать, и им потребовался помощник... Так?

- Да... - Вы должны были следить за двигателем?

- За двигателем и всем прочим... На судне приходится делать все... - И вы сразу влюбились в Аннеке?

- Вот это, мосье, уже личный вопрос, верно?... Это касается только ее и меня.

- Когда вы поженились?

- В будущем месяце исполнится два года.

- А когда умер Виллемс? Это его портрет на стене?

- Да, это он... - Когда же он умер?

- За полтора месяца до нашего брака.

Мегрэ все казалось, что он продвигается вперед непозволительно медленно. Но ничего не оставалось, как, вооружившись терпением, постепенно сужать круг, чтобы не спугнуть фламандца.

- Оглашение брака было сделано после смерти Виллемса?

- У нас оглашение печатают за три недели до свадьбы. А как делают во Франции, не знаю... - Но вопрос о браке уже был решен?

- Надо думать, раз мы поженились... - Не можете ли вы задать этот вопрос вашей жене?

- А зачем ей задавать такой вопрос?

- Если этого не сделаете вы, мне придется обратиться к ней через переводчика... - Что ж... Он хотел сказать: "Что ж, зовите переводчика!" И тогда Мегрэ оказался бы в трудном положении: ведь они находились в департаменте Сены-и-Уазы, где комиссар не имел права вести подобный допрос.

К счастью, ван Гут передумал и заговорил с женой на родном языке. Аннеке от неожиданности покраснела, потом посмотрела на мужа, на гостя и, улыбнувшись, сказала что-то.

- Вам не трудно перевести?

- Хорошо. Она говорит, что мы давно любили друг друга... - Примерно с год до свадьбы?

- Примерно так... - Иначе говоря, все это началось, как только вы появились на барже?

- А что в этом плохого?.. Мегрэ прервал его:

- Я хочу знать только одно: был ли Виллемс в курсе дела?

Жеф промолчал.

- Вероятно, вначале, как большинство влюбленных, вы это скрывали?..

Ван Гут отвернулся и опять стал смотреть на реку.

- Сейчас причаливаем... Я нужен брату на палубе. Мегрэ пошел за ним. Действительно, уже видны были набережные Мант-ла-Жоли, мост, десяток барж, стоявших у причала.

Мотор заработал медленнее. Дали задний ход, забурлила вода у винта. Речники с других судов смотрели на прибывших. Чалку поймал какой-то мальчишка лет двенадцати.

Присутствие на барже человека в городском костюме, да еще в шляпе, привлекло всеобщее внимание.

С одной из барж кто-то обратился к Жефу по-фламандски, и он ответил тоже по-фламандски, продолжая внимательно следить за ходом судна.

На набережной их поджидал инспектор Невэ с сигаретой в зубах, а рядом, у огромной груды кирпича, стояла маленькая черная машина.

- Надеюсь, теперь-то вы оставите нас в покое? Нам пора ужинать. Мы ведь встаем в пять утра.

- Вы не ответили на мой вопрос.

- На какой еще вопрос?

- Вы не сказали, знал ли Виллемс о ваших отношениях с его дочерью.

- Но ведь я женился на ней или, может, не женился?

- Женились, когда Виллемс умер.

- А разве моя вина, что он умер?

- Он долго болел?

Мегрэ и фламандец снова стояли на корме, и Хуберт, нахмурившись, слушал их разговор.

- Виллемс никогда в жизни не болел, если не считать болезнью то, что каждый вечер он напивался как свинья.

Быть может, Мегрэ ошибся, но ему показалось, что Хуберт удивился, заметив, какой неожиданный оборот принял их разговор, и как-то странно посмотрел на брата.

- Он умер от белой горячка?

- Это что такое?

- Так чаще всего кончают жизнь пьяницы. Начинается приступ, потом... - Да не было у него никакого приступа! Просто он так наклюкался, что свалился... - В воду?

Казалось, Жефу неприятно было присутствие брата, прислушивавшегося к их разговору.

- Ну да, в воду... - Это произошло во Франции? Фламандец кивнул.

- В Париже?

- В Париже-то он и пил больше всего... - Почему?

- Он встречался с какой-то женщиной, уж не знаю где, и они пьянствовали до самой ночи.

- Вы знаете эту женщину?

- Как ее звать - не знаю... - А где живет, тоже не знаете?

- Нет.

- Но вы их видели вместе?

- Да, встречал, а однажды видел, как они входили в гостиницу... Только Аннеке не надо об этом говорить.

- Разве она не знает, как умер ее отец?

- Знает, но об этой женщине ей никто не говорил.

- Могли бы вы ее узнать?

- Может быть... Хотя не уверен... - Она была с ним, когда случилось несчастье?

- Не знаю.

- Как же это произошло?

- В точности не могу сказать. Меня там не было... - А где вы были?

- Лежал на койке.

- А Аннеке?

- На своей койке.

- Который был час?

Жеф ответил, хотя и неохотно:

- Третий час ночи.

- Виллемс часто возвращался так поздно?

- В Париже - да, из-за этой бабы... - Что же все-таки произошло?

- Я вам уже сказал: он свалился в воду... - Проходя по сходням?

- Наверное... - Дело было летом?

- В декабре.

- Вы слышали, как он упал?

- Я услышал, как что-то ударилось о корпус судна.

- Он кричал?

- Нет, не кричал... - Вы бросились ему на помощь?

- Ну конечно.

- Раздетый?

- Я натянул штаны.

- Аннеке тоже услышала?

- Не сразу... Она проснулась, когда я поднялся на палубу.

- Когда вы поднимались или когда были уже на палубе?

Во взгляде Жефа промелькнуло что-то похожее на ненависть.

- Спросите у нее! Неужели вы думаете, что я помню?
- Вы увидели Виллемса в воде?
- Ничего я не увидел. Только слышал, как что-то плюхнулось.
- А разве он не умел плавать?
- Как же, умел. Да только в таком виде не очень-то поплаваешь.
- Вы прыгнули в ялик, как и в понедельник вечером?
- Да, мосье.
- Удалось вам вытащить его из воды?
- Минут через десять, не раньше. Всякий раз, как я пытался его схватить, он исчезал под водой... - Аннеке была на палубе?
- Да, мосье... - Когда вы его вытащили, он был уже мертв?
- Я еще не знал... Только видел, что он весь синий.
- А потом пришел доктор, полиция?
- Да, мосье. У вас есть еще вопросы?
- Где это произошло?
- В Париже. Я же вам говорил... - В каком месте?
- Мы погрузили вино в Маконе и выгружали его в Париже, на набережной Рапэ.

Мегрэ удалось не выказать ни удивления, ни удовлетворения. Казалось, он вдруг превратился в добродушного человека, раздражение его улеглось.

- Теперь, кажется, все. Итак, Виллемс утонул ночью, у набережной Рапэ. Вы в это время спали на барже. Дочь его тоже. Так?

Жеф молча моргал глазами.

- Примерно через месяц вы женились на Аннеке... - Не могли же мы жить вдвоем и не пожениться... - А когда вы вызвали брата?

- Сразу же. Через три-четыре дня.

- После свадьбы?

- Нет. После несчастья.

Солнечный диск уже скрывался за порозовевшими крышами, но было еще светло, правда, свет этот казался каким-то призрачным, тревожным.

Хуберт, глубоко задумавшись, неподвижно стоял у руля.

- Я полагаю, что вы ничего об этом не знаете? - обратился к нему Мегрэ.

- О чем?

- О том, что произошло в понедельник вечером?

- Я был на танцах - на улице Лапп.

- А о смерти Виллемса?

- Я получил телеграмму... - Теперь уже все? - нетерпеливо перебил его Жеф ван Гут. - Можно садиться за ужин? Но Мегрэ очень спокойно ответил:

- Боюсь, что еще нет... Казалось, разорвалась бомба. Хуберт вскинул голову и в упор посмотрел - не на комиссара, а на брата. Во взгляде Жефа зажглась ярость.

- Может быть, вы все-таки скажете, почему я не могу сесть за стол? - спросил он Мегрэ.

- Потому что я намерен отвезти вас в Париж.

- Не имеете права.

- Если понадобится, через час у меня будет ордер на привод, подписанный следователем.
- А почему, скажите на милость?
- Чтобы там продолжить допрос.
- Я сказал все, что знал.
- А еще для того, чтобы устроить вам очную ставку с бродягой, которого вы в понедельник вечером вытащили из Сены.

Жеф повернулся к брату, словно призывал его на помощь:

- Ты думаешь, Хуберт, что комиссар имеет право?.. Но Хуберт промолчал.
- Вы хотите увезти меня в этой машине? - указал он рукой на набережную, где рядом с машиной стоял Невэ. - А когда мне позволят вернуться на баржу?
- Может быть, завтра... - А если не завтра?
- В таком случае, возможно, что и никогда.
- Что?.. Что такое?

Жеф вдруг сжал кулаки, и на какой-то миг Мегрэ подумал, что фламандец сейчас бросится на него.

- А моя жена? А мой ребенок? Что это вы затеяли? Я сообщу своему консулу!
- Это ваше право.
- Вы что, смеетесь надо мной? Ему все еще не верилось.
- Да разве можно ни с того ни с сего ворваться на судно и арестовать человека, который не сделал ничего дурного?
- Я вас еще не арестовал.
- А как же это тогда называется?
- Я просто увожу вас в Париж, на очную ставку со свидетелем, которого пока нельзя перевозить.

- Но я же совсем не знаю этого человека. Он звал на помощь, вот я и вытащил его из воды. Если бы я думал... На палубе появилась Аннеке и что-то спросила у мужа по-фламандски. Он долго ей что-то объяснял. Потом она по очереди оглядела трех мужчин и снова обратилась к Жефу. Мегрэ мог бы поручиться, что она советовала мужу поехать с ним.

- Где вы собираетесь устроить меня на ночлег?
- Вам дадут кровать на Набережной Орфевр.
- В тюрьме?
- Нет, в Сыскной полиции.
- Могу я переодеться?

Комиссар кивнул, и фламандец с женой спустился в каюту. Мегрэ остался наедине с Хубертом. Тот по-прежнему упорно молчал, рассеянно разглядывая машины и прохожих на берегу. Комиссару тоже не хотелось говорить. Он страшно устал от этого допроса, который вел на ощупь, не раз падая духом и думая, что он ничего не добьется.

Первым заговорил Хуберт.

- Не обращайтесь внимания на его грубость, - примирительно произнес он. - Парень он горячий, но неплохой.
- Виллемс знал об его отношениях с дочерью?
- На барже трудно что-нибудь скрыть.
- Как вы думаете, отцу по душе был этот брак?

- Не знаю, меня тогда не было... - И вы тоже считаете, что он, напившись, свалился в воду со сходней?

- Частенько бывает и так. Многие речники гибнут именно такой смертью... В каюте о чем-то разговаривали по-фламандски. В голосе Аннеке слышалась мольба, фламандец же не скрывал своего гнева. Быть может, он опять отказывается ехать с комиссаром?

Победа осталась за женой. Когда Жеф снова появился на палубе, волосы его были тщательно причесаны, даже немного влажны. Белая рубашка подчеркивала смуглый загар. Синий, почти новый костюм, полосатый галстук и черные башмаки - все выглядело так, будто он собрался на воскресную мессу.

Не глядя на Мегрэ, Жеф сказал что-то по-фламандски брату, потом сошел на берег и остановился возле черной машины.

Комиссар открыл дверцу. Невэ с удивлением посмотрел на них.

- Куда поедет, шеф?

- На Набережную Орфевр.

Они двинулись в путь. Было уже темно. В свете фар мелькали то деревья, то сельские домики и, наконец, серые улицы большого предместья.

Устроившись в углу, Мегрэ молча посасывал трубку. Жеф ван Гут тоже не открывал рта, и Невэ, удивленный этим необычным молчанием, ломал себе голову, что же могло произойти.

- Все удачно, шеф? - рискнул он наконец задать вопрос. Но, не получив ответа, умолк и продолжал вести машину.

Было уже восемь часов вечера, когда они въехали в ворота Дворца Правосудия. Свет горел только в нескольких окнах, но старый Жозеф был на своем посту.

В комнате инспекторов было почти пусто. Лапуэнт, поджидавший своего начальника, что-то печатал на машинке.

- Попроси, чтобы принесли бутерброды и пиво!

- На сколько человек?

- На двоих... Нет, впрочем, на троих. Ты мне можешь понадобиться. Ты свободен?

- Да, шеф.

В кабинете Мегрэ речник выглядел еще более длинным и тощим, черты его лица вроде бы еще больше обострились... - Можете сесть, мосье ван Гут.

При слове "мосье" Жеф нахмурился, усмотрев в этом какую-то угрозу.

- Сейчас нам принесут бутерброды.

- А когда я могу повидаться с консулом?

- Завтра утром.

Мегрэ сел за свой стол и позвонил жене:

- К ужину не вернусь... Нет... Возможно, мне придется задержаться... Очевидно, ей хотелось засыпать его вопросами, но она ограничилась одним-единственным. Зная, как волнует мужа судьба бродяги, она спросила:

- Он умер?

- Нет... Госпожа Мегрэ даже не поинтересовалась, задержал ли он кого-нибудь. Раз муж звонит из своего кабинета и предупреждает, что проведет там часть ночи, значит, допрос либо уже начался, либо вот-вот начнется.

- Спокойной ночи!

Он с досадой посмотрел на Жефа.

- Я же просил вас сесть... Ему было как-то не по себе при виде этой долговязой фигуры, застывшей посреди кабинета.

- А если я не желаю сидеть? Ведь это мое право. Хочу - стою, хочу - сижу, верно?

Мегрэ только вздохнул и стал терпеливо ждать, когда мальчик из кабачка "Дофин" принесет бутерброды и пиво.

Глава 7

Эти ночи, которые в восьми случаях из десяти неизменно оканчивались признанием обвиняемых, постепенно обрели свои традиции, свои правила, подобно театральным пьесам, сыгранным сотни раз.

Когда мальчик из кабачка "Дофин" принес бутерброды и пиво, дежурные инспектора сразу поняли, в чем дело.

Мерзкое настроение и с трудом сдерживаемый гнев не помешали фламандцу наброситься на бутерброды и залпом осушить первую кружку, искоса поглядывая на Мегрэ.

То ли из вызова, то ли в знак протеста, он ел неопратно, чавкал, широко раскрывая рот, и, словно с палубы в воду, выплевывал на пол хрящики, попадавшие в ветчину.

Комиссар, внешне спокойный и благожелательный, делал вид, что не замечает этих выпадов, и не мешал речнику расхаживать взад и вперед по кабинету, как дикому зверю в клетке.

Прав ли был Мегрэ? Проводя дознание, пожалуй, самое трудное - это решить, в какой момент следует выдвинуть главный козырь. Но нет никаких установленных правил, которые могли бы точно определить, когда это сделать. Просто надо обладать интуицией.

Мегрэ не раз случалось приступать к расследованию, не имея никаких серьезных данных. И все-таки за несколько часов он одерживал победу. Бывало и наоборот, когда при наличии явных улик и десятка свидетелей приходилось биться целую ночь.

В каждом отдельном случае самое важное - найти правильный тон. Вот какие мысли одолевали Мегрэ, когда он, заканчивая свой скромный ужин, поглядывал на речника.

- Хотите еще бутерброд?

- Я хочу только одного - поскорее вернуться на баржу к моей жене.

Наконец ему наскучило шагать по комнате, и он остановился. Мегрэ понимал, что тут нельзя торопиться, что лучше всего вести допрос "под сурдинку": приветливо начать, ни в чем не обвиняя, незаметно подвести к одному якобы незначительному противоречию, потом к другому, наконец, добиться, чтобы обвиняемый совершил пусть даже не слишком грубую ошибку, но все-таки ошибку, и так мало-помалу затянуть узел.

Отослав Лапуэнта с каким-то поручением, Мегрэ остался с глазу на глаз с Жефом.

- Послушайте, ван Гут... - Я слушаю вас уже не первый час, верно?

- Мы говорим так долго лишь потому, что вы не хотите откровенно отвечать.

- Может быть, вы собираетесь назвать меня лжецом?

- Я вовсе не обвиняю вас во лжи. Просто мне думается, вы чего-то недоговариваете... - А что бы вы сказали, если бы я полез к вам с вопросами о вашей жене и детях?

- У вас было тяжелое детство... Ваша мать, должно быть, мало занималась вами?

- Слава богу, теперь уже и до матери добрались! Так знайте же, что она умерла, когда мне было всего пять лет. И это была на редкость порядочная женщина, святая, и если она сейчас смотрит на меня с небес... Мегрэ старался ничем не выказывать нетерпения и с сосредоточенным видом смотрел прямо перед собой.

- Ваш отец женился вторично?
- Отец - это другое дело... Он здорово пил... - С каких лет вы стали работать?
- Я вам уже говорил. С тринадцати лет... - Есть у вас еще братья, кроме Хуберта? Или сестры?
- Есть сестра. Ну и что?
- Ничего. Просто мы знакомимся.
- В таком случае и я должен бы задавать вам вопросы.
- Извольте.
- - Вам-то что, вы сидите в своем кабинете и считаете, что вам все дозволено.

С самого начала Мегрэ уже видел, что разговор будет долгий и трудный. Ван Гут не блещет умом, а известно, что трудно иметь дело с людьми недалекими. Они всегда упорствуют, отказываются отвечать, не колеблясь отрицают то, что утверждали часом раньше, и несколько не смущаются, когда их тычут носом в собственные противоречия.

Если подозреваемый умен, то достаточно нащупать слабое место в его утверждениях, в его системе защиты, чтобы он не замедлил "расколоться".

- Думаю, что я не ошибаюсь, считая вас работягой. Тяжелый, недоверчивый взгляд исподлобья.
- Это верно. Я всегда много работал.
- Некоторые хозяева, наверное, злоупотребляли вашей молодостью, вашей добросовестностью. И вот вы встретили Луи Виллемса, который пил, как и ваш отец... Застыв посреди комнаты, Жеф смотрел на Мегрэ, словно животное, которое почуяло опасность, но еще не знает, с какой стороны ждать нападения.

- Я убежден, что если бы не Аннеке, вы не стали бы работать на "Зваарте Зваан" и перешли бы на какую-нибудь другую баржу.

- Мадам Виллемс тоже была славная женщина.
- Она не была заносчивой и властной, как ее муж... - С чего вы взяли, что он был заносчивый?
- А разве это не так?
- Он был босс, хозяин, и хотел, чтобы все помнили об этом.
- Уверен, будь мадам Виллемс жива, она бы не противилась вашему браку с ее дочерью!

Фламандец не был умен, но обладал чутьем дикого зверя, и на этот раз Мегрэ слишком поторопился.

- Ага... Значит, вот что вы придумали... А ведь и я тоже могу выдумывать истории, верно?

- Ничего я не выдумываю. Такой мне представляется ваша жизнь. Впрочем, быть может, я и ошибаюсь... - Тогда плохи мои дела, если вы по ошибке упечете меня в тюрьму.

- Да выслушайте же меня до конца, черт возьми! У вас было тяжелое детство. Еще ребенком вы уже работали, как взрослый мужчина. Но вот вы встречаете Аннеке... Она смотрит на вас не так, как другие. В ее глазах вы не наймит, обязанный делать всю черную работу, а в ответ выслушивать только брань. Она видит в вас настоящего человека. Конечно, вы ее сразу полюбили. И будь жива ее мать, она наверняка бы порадовалась вашей любви... Наконец фламандец сел, правда, еще не в кресло, а на подлокотник, но и это был уже прогресс.

- Ну и что дальше? - спросил он. - Знаете, забавная получается у вас история.

- К несчастью, мадам Виллемс умирает. Вы остаетесь на барже втроем с ее мужем и Аннеке. Вы проводите с девушкой целые дни, и, даю голову на отсечение, Виллемс следит за вами... - Это по-вашему так!

- Владельцу судна вовсе не улыбается, чтобы его дочь вышла замуж за парня без гроша в кармане. По вечерам, напившись, он становится омерзительным, грубым... Наконец Мегрэ вновь обрел присущую ему осторожность и внимательно следил за выражением глаз фламандца.

- И вы думаете, что я кому-нибудь позволю поднять на себя руку?

- Уверен, что нет. Руку-то он поднимал, но не на вас, а на свою дочь. И не сомневаюсь, что как-то раз он застал вас вдвоем... На какую-то минуту Мегрэ замолк, дымя трубкой. Наступила гнетущая тишина.

- Вы только что упомянули об одной очень любопытной детали. Виллемс сходил на берег чаще всего в Париже, потому что там у него была приятельница, с которой он вместе пьянствовал. В других городах он пил либо на барже, либо в каком-нибудь кабачке недалеко от набережной. Как и все речники, он, по вашим словам, вставал чуть свет, а укладывался спать рано. В Париже вы с Аннеке имели возможность оставаться вдвоем... В соседнем кабинете слышались чьи-то шаги и голоса. В комнату заглянул Лапуэнт:

- Все в порядке, шеф.

- Подожди немного.

И допрос продолжался. В кабинете было не продохнуть от дыма.

- Возможно, однажды вечером он вернулся раньше обычного и застал дочь в ваших объятиях. Виллемс пришел в ярость, а в гневе он, конечно, бывал ужасен. Он мог вышвырнуть вас за дверь... мог ударить дочь... - Это все ваши выдумки, - упрямо повторил Жеф.

- На вашем месте я бы придерживался именно этой выдумки. Тогда смерть Виллемса можно было бы рассматривать почти как несчастный случай... - Это и был несчастный случай.

- Я сказал "почти". Я даже не утверждаю, что вы помогли ему свалиться в воду. Он был пьян. Не стоял на ногах. Может быть, в эту ночь шел дождь?

- Да... - Вот видите! Значит, доска была скользкая. Ваша вина лишь в том, что вы не сразу оказали ему помощь. Если, конечно, не совершили более тяжкого проступка и не столкнули его сами. Но было это два года назад, и в полицейском протоколе говорится о несчастном случае, а не об убийстве... - Так в чем же дело? Почему вы стараетесь припаять мне убийство?

- Я пытаюсь только разобраться в этой истории. Предположим теперь, что кто-то видел, как вы толкнули Виллемса в воду. Этот человек мог находиться на набережной, хотя в ту минуту вы его и не видели. Он мог сообщить в полицию, что вы не сразу прыгнули в лодку, а довольно долго стояли на палубе, выжидая, пока хозяин захлебнется.

- А Аннеке? Может быть, она тоже все видела и молчала?

- Допускаю, что в два часа ночи она спала... Во всяком случае, человек, который ночевал в ту ночь под мостом Берси и видел вас, ничего не сообщил полиции. Бродяги не очень-то любят вмешиваться в чужие дела. Они по-иному смотрят на вещи, и у них свое понятие о справедливости... Теперь вы могли жениться на Аннеке, а так как на барже нужен был помощник, вы вызвали из Бельгии брата. Наконец-то вы были счастливы и, говоря вашим языком, сами стали боссом. С тех пор вы много раз заходили в Париж и, могу поклясться, избегали причаливать у моста Берси... - Ошибаетесь, мосье! Я приставал там не менее трех раз... - Лишь потому, что того человека там больше не было. Бродяги тоже меняют место жительства, и ваш незнакомец устроился под мостом Мари. И вот в тот понедельник он узнал "Зваарте Зваан", узнал вас... И я начинаю думать... Мегрэ сделал вид, будто ему вдруг пришла в голову какая-то мысль.

- О чем же вы начинаете думать?..

- Я начинаю думать, уж не заметили ли вы его на набережной Рапэ, когда Виллемса вытащили из воды? Да! Почти наверняка вы должны были его заметить. Он подошел, но ничего не сказал. И вот в тот понедельник, когда он стал расхаживать вокруг вашей баржи, вы подумали, что он, может, что-нибудь сболтнул. Вполне возможно, что он и пригрозил вам... Последнему комиссар сам не верил. Слишком уж это было непохоже на Тубиба. Но сейчас такая версия была ему необходима.

- Вы испугались... Но вдруг подумали: а почему бы и с ним не могло случиться то же самое, что и с Вил-лемсом?

- И я сбросил его в воду? Так, что ли?

- Допустим, что вы его толкнули... Жеф снова поднялся. Теперь тон его стал спокойнее, жестче.

- Нет, мосье, вы никогда не заставите меня сознаться в том, чего не было. Все это ваши выдумки.

- Может быть, я в чем-то ошибся. В таком случае скажите мне... - Я уже сказал.

- Что?

- Все это черным по белому записал тот коротышка, что приходил с судьей.

- Вы заявили тогда, что около полуночи услышали шум... - Раз я сказал, значит, так и было.

- Вы еще сказали, что двое мужчин - один из них в светлом дождевике - вышли как раз в это время из-под моста Мари и направились к красной машине... - Так она и была красная!

- И что они прошли мимо вашей баржи... Ван Гут даже и бровью не повел. Мегрэ поднялся с кресла и отворил дверь.

- Входите, господа!

Оказывается, тем временем Лапуэнт отправился за страховым агентом и его другом-заикой. Он застал их втроем вместе с мадам Гийо за партией в белот, и мужчины беспрекословно последовали за ним. Гийо был в том же светлом дождевике, что и в понедельник вечером.

- Это те самые люди, что уехали на красной машине?

- Думаю, не одно и то же - видеть людей ночью, на плохо освещенной набережной, или в кабинете... - Они подходят под описание, которое вы дали.

Жеф пожал плечами, не собираясь ничего уточнять.

- Что ж, они действительно были в тот вечер на набережной Селестэн... Не угодно ли вам, мосье Гийо, рассказать, что вы там делали?

- Мы спустились в машине к самой воде... - На каком расстоянии от моста?

- Более, чем на сто метров.

- Внизу вы остановили машину?

- Да, мосье.

- А дальше?

- Дальше мы вышли из машины и подошли к багажнику, чтобы вынуть собаку.

- Она была тяжелая?

- Нестор весил больше, чем я: семьдесят два килограмма. В последний раз я взвешивал его два месяца назад у мясника... - У набережной стояла на причале баржа?

- Да.

- Итак, взяв свой груз, вы направились к мосту Мари?

Ардуэн открыл было рот, чтобы возразить, но тут, по счастью, вмешался его друг.

- Почему вы решили, что мы направились к мосту Мари?

- Потому, что так утверждает этот человек.

- Он видел, как мы шли к мосту Мари?

- Не совсем так... Он видел, как вы шли обратно. Двое друзей переглянулись.

- Он не мог видеть, как мы шли вдоль баржи, потому что мы бросили собаку в воду у самой кормы. Я даже боялся, как бы мешок не зацепился за руль. И даже подождал, чтобы убедиться, что труп унесло течением... - Вы слышали, Жеф?

Но тот, нимало не смущаясь, заметил:

- Это все его выдумка. А у вас была своя. Другие еще чего-нибудь навдумывают, верно? А при чем тут я?

- Который был час, мосье Гийо? Тут уж Ардуэн не мог удовольствоваться немой ролью и вмешался:

- По... по... почти... половина... - Примерно половина двенадцатого, - прервал его господин Гийо. - Без двадцати двенадцать мы уже были в кафе на улице Тюрен.

- Ваша машина красного цвета?

- Да, у меня красная машина, "Пежо-403".

- И в номерном знаке есть две девятки?

- 7949, Л-Ф 75. Можете посмотреть технический паспорт... - Не хотите ли, мосье ван Гут, спуститься во двор и опознать машину?

- Я хочу только одного - вернуться к жене.

- Как вы объясняете эти противоречия в показаниях?

- Объяснять - ваше дело, а не мое.

- Вы понимаете, какую вы допустили ошибку?

- Да: выгасил человека из воды.

- Но сделали вы это не по своей воле.

- Как - не по своей воле? Значит, я был вроде лунатика, когда отвязал ялик и взял багор?

- Вы забыли об одной детали: кроме вас, еще кое-кто тоже слышал крики бродяги... Виллемс - тот не кричал: видимо, от холодной воды его сразу же хватил удар. С Тубибом вы были осторожнее и сначала оглушили его. Вы были уверены, что он мертв или, во всяком случае, не справится с течением и водоворотами... Услышав крики, вы были неприятно поражены. И вы бы не пошевелили пальцем - пусть себе покричит, пока не отдаст богу душу, - если б не услышали голоса речника с "Пуату". Он видел, что вы стояли на палубе своей баржи. Тогда-то вы и сочли нужным разыграть роль спасителя!

Жеф только пожимал плечами.

- Когда я вам сказал, что вы допустили ошибку, я имел в виду не то, что вы бросились спасать человека. Я имел в виду ту историю, что вы рассказали, вернее, сочли нужным рассказать мне, чтобы рассеять подозрения. Вы ее тщательно продумали... Страховой агент и его друг, потрясенные, смотрели то на комиссара, то на фламандца, поняв наконец, что на карту поставлена человеческая жизнь.

- В половине двенадцатого вы вовсе не чинили мотор, как пытались нас убедить. Вы находились в таком месте, откуда видна набережная - либо в каюте, либо где-нибудь на палубе... Иначе вы бы не заметили красной машины. Вы видели, как бросили в воду собаку, и вспомнили об этом, когда полиция стала расспрашивать о случившемся. Вы решили, что машину не найдут, и заявили, будто видели двух мужчин, возвращавшихся из-под моста Мари.

- Я никому из вас не мешал говорить, верно? Они болтают что хотят, и вы тоже болтаете что хотите... Мегрэ снова подошел к двери.

- Мосье Гуле, прошу вас!

Лапуэнт ввел в кабинет речника с баржи "Пуату", которая все еще разгружала песок у набережной Селестэн.

- В котором часу вы услышали крики на реке?

- Около полуночи.

- А не можете сказать точнее?

- Нет.

- Было больше половины двенадцатого?

- Наверняка. Когда все было кончено, я хочу сказать, когда тело вытащили на берег и пришел ажан, было уже половина первого. По-моему, ажан записал время у себя в блокноте. И, уж конечно, больше получаса не могло пройти с той минуты, как... - Что вы на это скажете, ван Гут?

- Я? Ничего... Он тоже рассказывает по-своему. Верно?

- И ажан рассказывает?

- Ажан тоже может выдумать.

В десять часов вечера, когда три свидетеля ушли, из кабачка "Дофин" снова принесли поднос с бутербродами и с бутылками пива. Мегрэ вышел в соседнюю комнату и сказал Лапуэнту:

- Теперь твоя очередь... - Что я должен у него спрашивать?

- Что хочешь... Такая уж у них была система. Случалось, они сменяли друг друга по три-четыре раза в течение ночи, задавая одни и те же вопросы, но несколько в ином разрезе, стараясь мало-помалу измотать подозреваемого.

- Алло! Соедините меня, пожалуйста, с женой. Госпожа Мегрэ еще не легла.

- Не жди меня... не советую... - Ты, кажется, устал. Трудный допрос? Она почувствовала по тону, что настроение у него неважное.

- Он будет отпираться до конца, не давая ни малейшей зацепки. В жизни не встречал более упрямого негодяя.

- А как Тубиб?

- Сейчас узнаю... Он тут же позвонил в больницу и попросил к телефону ночную сиделку хирургического отделения.

- Спит. Нет, более нет... После обеда его смотрел профессор и заявил, что теперь он вне опасности.

- Больной что-нибудь говорил?

- Перед сном попросил пить.

- А больше ничего не говорил?

- Ничего. Принял снотворное и закрыл глаза. Полчаса Мегрэ расхаживал по коридору, предоставив сражаться Лапуэнту, голос которого гудел за дверью. Затем решил вернуться к себе и, войдя в кабинет, увидел, что ван Гут снова сидит в кресле, положив на колени огромные руки.

По лицу Лапуэнта не трудно было угадать, что он ничего не добился, тогда как речник насмешливо посматривал на него.

- Долго будет продолжаться эта канитель? - спросил он, видя, что Мегрэ снова уселся в кресло. - Не забудьте, что вы мне обещали вызвать консула. Я расскажу ему обо всех ваших фокусах, и об этом напишут в бельгийских газетах.

- Послушайте, ван Гут... - Я слушаю вас час за часом, а вы долбите одно и то же. И этот тоже. - Он указал на Лапуэнта. - Может, у вас за дверью стоят еще другие, которые опять же будут меня допрашивать?

- Может быть.

- Но я отвечу им то же самое.

- В ваших показаниях много противоречивого.

- А если даже и так? Посмотрел бы я, как бы вы не противоречили себе на моем месте!

- Вы же слышали, что утверждают свидетели.

- Свидетели говорят одно, а я говорю другое. Это еще не доказывает, что я вру. Я всю жизнь работал. Спросите у любого речника, что он думает о ван Гуте. Не найдете ни одного, кто плохо бы отзывался обо мне.

И Мегрэ начал все сызнова, решив, что на этот раз доведет дело до конца. Ему вспомнился случай, когда человек, столь же неподатливый, как ван Гут, вдруг спасовал на шестнадцатом часу допроса, в ту минуту, когда комиссар уже собирался оставить его в покое.

Это была одна из самых изнурительных ночей в практике Мегрэ. Дважды он уходил в соседний кабинет, а на его место садился Лапуэнт. Под конец не осталось ни бутербродов, ни пива, и все трое походили на трех призраков, затерянных в пустынных кабинетах Дворца Правосудия, где уборщицы уже начали подметать коридоры.

- Вы не могли видеть, как эти двое мужчин проходили мимо вашей баржи.
- Разница между нами в том, что я был там, а вас там не было... - Но вы же слышали их показания?

- Все что-нибудь болтают.
- Учтите, я не обвиняю вас в преднамеренном акте... - Это что такое?
- Я не утверждаю, что вы заранее решили его убить.
- Кого? Виллемса или того человека, которого я вытащил из воды? Ведь теперь их уже двое, верно? А завтра, может быть, окажется трое, четверо, пятеро... Вам ничего не стоит прибавить еще кого-нибудь.

В три часа ночи измученный Мегрэ решил прекратить допрос. Теперь уж все опротивело ему, Мегрэ, а не допрашиваемому.

- На сегодня хватит, - буркнул он, поднимаясь.
- Значит, я могу вернуться к жене?
- Пока нет... - Вы отправите меня ночевать в тюрьму?
- Вы будете спать здесь, в одном из кабинетов, на раскладушке.
Лапуэнт увел фламандца, а Мегрэ, выйдя из Дворца Правосудия, зашагал по пустынным улицам. Лишь возле Шатлэ ему удалось поймать такси.

Он тихонько вошел в спальню; мадам Мегрэ повернулась и сонным голосом спросила:

- Это ты?
Будто это мог быть кто-нибудь другой.
- Который час?
- Четыре... - Он сознался?
- Нет.
- Но ты думаешь, что это все-таки он?
- Уверен.
- И пришлось его отпустить?
- Пока еще нет.
- Хочешь, я приготовлю тебе чего-нибудь поесть?

Мегрэ не хотел есть, но, перед тем как лечь спать, залпом осушил стакан вина. Впрочем, это не помешало ему добрых полчаса ворочаться без сна с боку на бок. Да, надолго он запомнит этого бельгийского речника!

Глава 8

Утром их сопровождал Торанс, так как Лапуэнту пришлось всю ночь пробыть на Набережной Орфевр. Но сначала Мегрэ по телефону связался с больницей.

- Уверен, что со вчерашнего дня больной находится в полном сознании, - подтвердил профессор. - Только прошу вас не утомлять его. Не забывайте, что он перенес тяжелое потрясение и придет в нормальное состояние лишь через несколько недель.

Втроем они зашагали по залитым солнцем набережным. Комиссар, Торанс и между ними - ван Гут. Их можно было принять за праздных гуляк, наслаждающихся прекрасным весенним утром.

Лицо ван Гута - он не догадался захватить бритву - заросло светлой щетиной, блестящей на солнце.

Они зашли в бар напротив Дворца Правосудия и выпили по чашке кофе со сдобой. Фламандец с невозмутимым видом съел семь булочек.

Вероятно, ван Гут думал, что его ведут к мосту Мари, на место происшествия, и очень удивился, когда они свернули в мрачный двор больницы, а потом пошли по бесконечным больничным коридорам.

Порой ван Гут хмурился, но волнения не проявлял.

- Можно войти? - спросил Мегрэ у старшей сестры.

Та окинула любопытным взглядом его спутника и пожала плечами. Все эти вещи были выше ее понимания, так что она и не старалась понять.

В очной ставке фламандца с Келлером Мегрэ видел свой последний шанс.

Он первым вошел в палату. Взгляды всех больных, как и накануне, тотчас устремились на него. Широкие плечи Мегрэ заслоняли идущего следом за ним Жефа; шествие замыкал Торанс.

Безразлично, без всякого интереса Тубиб следил за их приближением. Даже появление речника не произвело на него никакого впечатления.

Что же касается Жефа, то он тоже держался абсолютно спокойно - вот так же, как и на протяжении всей ночи. Свесив руки, он равнодушно взирал на непривычное для него зрелище больничной палаты.

Реакции, которой так ждал Мегрэ, не последовало.

- Подойдите ближе, Жеф!

- Ну что еще вам нужно от меня?

- Подойдите сюда!

- Ладно... А что дальше?

- - Вы узнаете его?

- Должно быть, этот тип тогда тонул, верно? Только в тот вечер у него была здоровая щетина...

- И все-таки вы узнаете его?

- Вроде бы так... - А вы, мосье Келлер?

Мегрэ затаив дыхание впился взглядом в бродягу. Тубиб тоже пристально взглянул на комиссара и наконец, как бы решившись, медленно повернулся к речнику.

- Вы узнаете его?

Как знать: колебался ли Келлер? Комиссар был уверен, что да. Прошла томительная минута ожидания, затем врач из Мюлуза снова спокойно посмотрел на Мегрэ.

- Вы узнаете его?

Комиссар едва сдерживал гнев, теперь наверняка зная, что этот человек решил молчать. Доказательство тому - тень улыбки на лице бродяги, лукавые искорки в зрачках.

Губы больного приоткрылись, и он тихо сказал:

- Нет.

- Это один из тех двух, что вытащили вас из Сены... - Спасибо, - еле слышно произнес Тубиб.

- И он же - я в этом почти уверен - ударил вас по голове, а потом сбросил в воду... Молчание.

Тубиб не дрогнул, не пошевелился; жили только его глаза.

- Вы по-прежнему его не узнаете?

Невероятно напряженная сцена: разговор велся вполголоса, меж двух рядов коек; все больные следили за каждым их жестом, ловили каждое слово.

- Вы не хотите отвечать?

Келлер остался недвижим.

- А ведь вам известно, почему он покушался на вас!

Во взгляде больного промелькнуло любопытство. Казалось, бродяга был удивлен, что Мегрэ удалось столько разузнать.

- Это случилось два года назад, когда вы еще ночевали под мостом Берси. Однажды ночью... Вы меня слышите?

Тот кивнул.

- Однажды ночью, в декабре, вы невольно явились свидетелем преступления, в котором был замешан этот человек.

Келлер, казалось, раздумывал, как ему поступить.

- Тогда он столкнул в реку, - продолжал Мегрэ, - хозяина баржи, подле которой вы ночевали. Правда, его-то вытащили слишком поздно... Опять молчание и полное безразличие на лице больного.

- Это правда? Увидев вас в понедельник на набережной Селестэн, убийца испугался, что вы проболтаетесь.

Больной с трудом повернул голову и посмотрел прямо в лицо Жефу ван Гуту.

Однако в его взгляде не угадывалось ни ненависти, ни злобы - ничего, кроме проблесков любопытства.

Мегрэ понял, что ему ничего больше не удастся вытянуть у бродяги, и, когда сестра попросила посетителей уйти, комиссар не стал настаивать. Они вышли.

В коридоре речник вскинул голову:

- Ну как? Здорово вы продвинулись в этом деле? Фламандец был прав: на сей раз выиграл он.

- Я тоже, - торжествующе продолжал ван Гут, - умею выдумывать всякие истории!

Не стерпев, Мегрэ буркнул сквозь зубы:

- Заткнись!

Пока Жеф в обществе Торанса сидел в кабинете на Набережной Орфевр, Мегрэ провел около двух часов у судьи Данцигера. Тот позвонил помощнику прокурора Паррену и попросил его зайти. Затем Мегрэ подробно - от начала до конца - изложил им свою версию преступления.

Судья делал у себя в блокноте пометки карандашом и, когда Мегрэ закончил, со вздохом произнес:

- В общем, у вас нет против него ни одной улики.

- Ни одной, - подтвердил комиссар.

- За исключением несовпадения во времени в его показаниях. Но любой опытный адвокат ответит этот аргумент.

- Знаю.

- У вас есть надежда добиться признания?

- Никакой.

- Бродяга будет по-прежнему молчать?

- Я в этом убежден.

- Как вы думаете, почему он занял такую странную позицию?

Объяснить это было трудно. Особенно тем, кто никогда не сталкивался с людьми, ночующими под мостами.

- Вот именно: почему? - вставил слово помощник прокурора. - Ведь он чуть не отправился на тот свет. Мне думается, он должен был бы... В самом деле, как иначе мог думать помощник прокурора, который жил с семьей в Пасси <Пасси - один из фешенебельных районов Парижа.>, устраивал у себя дважды в месяц приемы и заботился прежде всего о собственной карьере и о повышении оклада.

Но не так думал бродяга.

Ведь существует же правосудие!

Еще бы! Но те, кто не боится спать зимой под мостами, завернувшись для тепла в старые газеты, меньше всего думают об этом самом правосудии.

- Ну, а вы, комиссар, его понимаете? Мегрэ не решился ответить "да", поскольку это вызвало бы недоумение.

- Видите ли... для него суд присяжных, разбирательство дела, вопросы, приговор и тюрьма - все это не имеет существенного значения.

Что бы подумали эти двое, если бы комиссар рассказал им о стеклянном шарике, который он вложил в руку пострадавшего? Или хотя бы о том, что бывший доктор Келлер, чья жена живет на острове Сен-Луи, а дочь вышла замуж за крупного фабриканта аптекарских товаров, хранит у себя в кармане, как десятилетний мальчишка, стеклянные шарики?

- Он все еще требует встречи с консулом? Речь снова зашла о Жефе.

Взглянув на помощника прокурора, судья нерешительно заметил:

- При таком положении дела я едва ли смогу подписать ордер на его арест. Судя по вашим словам, комиссар, если я даже и допрошу ван Гута, то это все равно ни к чему не приведет.

Да, чего не смог добиться Мегрэ, вряд ли добьется судья!

- Что же дальше?

Что дальше? Прежде чем прийти сюда, Мегрэ уже знал, что партия проиграна. Остается только одно: отпустить ван Гута да еще принести ему извинения, если он потребует.

- Простите, Мегрэ, но при таких обстоятельствах... - Я понимаю... Предстояло пережить несколько неприятных минут. Это случалось не в первый раз и всегда, когда он сталкивался с людьми недалекоими.

- Извините, господа, - тихо произнес Мегрэ, покидая кабинет судьи.

Немного спустя комиссар повторил эти слова уже у себя в кабинете.

- Извините, мосье ван Гут! Правда, я приношу извинения только формально. Знайте: своего мнения я не изменил. Я по-прежнему убежден, что это вы убили своего хозяина, Луи Виллемса, и сделали все возможное, чтобы избавиться от бродяги, который мог оказаться нежелательным свидетелем. А теперь можете вернуться на свою баржу к жене и ребенку. Прощайте, мосье ван Гут!

Вопреки ожиданиям, речник не возмутился, а только с некоторым удивлением поглядел на комиссара и, уже стоя на пороге, протянул ему длинную руку, проворчав:

- Всякий может ошибиться, верно?

Мегрэ сделал вид, что не заметил протянутой руки, и пять минут спустя с головой погрузился в текущие дела.

В последующие недели полиция произвела нелегкую работу, проверив все обстоятельства дела как в районе набережной Берси, так и у моста Мари. Допросили множество людей. Бельгийская

полиция прислала запрошенный материал, который подкололи к остальным материалам расследования.

Что же касается комиссара, то в течение трех месяцев его часто видели у причала на набережной Селестэн. Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он, словно бездельник, прохаживался мимо моста Мари. Тубиб выписался из больницы и снова вернулся в свое убежище под сводом моста. Вещи ему возвратили.

Иногда Мегрэ как бы случайно останавливался возле бродяги. Разговор их бывал недолог:

- Живем?

- Живем!

- Рана вас больше не беспокоит?

- Временами немного кружится голова... Они избегали говорить о случившемся, но Келлер прекрасно понимал, зачем приходит сюда комиссар. И Мегрэ тоже знал, что тот все понимает. Это превратилось уже в своеобразную игру. Невинную игру, которая длилась до наступления летней жары.

Однажды утром комиссар остановился перед бродягой, который жевал краюху хлеба, запивая ее красным вином.

- Живем?

- Живем!

Быть может, Франсуа Келлер решил, что его собеседник достаточно ждал? Посмотрев на стоявшую на приколе бельгийскую баржу, очень похожую на "Зваарте Зваан", он заметил:

- Хорошо живется этим людям. И, указав на двух белокурых детей, игравших на палубе, добавил:

- В особенности малышам... Мегрэ внимательно посмотрел ему в глаза, инстинктивно чувствуя: сейчас за этим что-то последует.

- Но жизнь никому не дается легко, - продолжал бродяга.

- Так же, как и смерть... - И судить никому не дано. Они поняли друг друга.

- Спасибо, - прошептал комиссар. Наконец-то он узнал то, что хотел узнать.

- Не за что. Я же ничего не сказал. - И, подражая фламандцу, Тубиб добавил:

- Верно?

Он и вправду ничего не сказал. Он отказывался судить. Он не пожелал давать свидетельских показаний.

Тем не менее за завтраком Мегрэ не удержался и как бы мимоходом спросил жену:

- Ты помнишь историю с баржей и бродягой?

- Конечно. Есть что-нибудь новое?

- Я тогда не ошибся... - Значит, ты его арестовал?

Он отрицательно покачал головой.

- Нет! Пока фламандец не допустит какого-либо промаха - а это вряд ли случится, - его не арестуешь.

- Тубиб что-нибудь сказал?

- В известном смысле - да... Больше взглядом, чем словами. Они поняли друг друга, и Мегрэ улыбнулся, вспоминая то удивительное сообщничество, которое на мгновение возникло между ними под мостом Мари.

<http://book.zehinli.info>